

М. Б. ПЛЮХАНОВА

«Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии

Послание на Угру архиепископа Вассиана — выдающийся по риторическим качествам памятник русской словесности конца XV в. Этот относительно обширный текст представлен в летописях — Вологодско-Пермской, Софийской II и Новгородской IV по списку Дубровского — и переходит в позднейшие своды. В летописях он внесен в повествования о событиях 1480 г.:¹ о приходе на Московскую Русь хана Ахмата, об организации отпора ему и о последовавшем его бегстве. Связанные с судьбой Послания своды — свод Вологодско-Пермской летописи, в первой редакции доводящий изложение до 1499 г., и свод 1518 г., отраженный в С2Л и во Львовской, — складывались десятилетия спустя после событий 1480 г., а более ранние своды не содержат никаких свидетельств о существовании Послания. В связи с этим время от времени у ученых возникали сомнения в фактической достоверности летописной атрибуции его ростовскому владыке Вассиану и датировки его временем собственно «стояния» на Угре осенью 1480 г.² Сомнения эти, впрочем, не слишком значительны, поскольку для всех остается очевидной идейная связь Послания с историческими обстоятельствами 1480 г. Датировка временем «стояния» на Угре и атрибуция Вассиану, духовнику великого князя, являются частью Послания как целого,³ входят в его содержание. Этим Послание на Угру архиепископа Вассиана значительно отличается, например, от посланий Филофеева цикла, которые почти совсем лишены приуроченности ко времени и лишь в редких случаях включают в свою структуру имя Филофея. Подводя итоги исследованиям Послания и возникавшим в связи с ним сомнениям, Я. С. Лурье в своей последней работе на эту тему писал: «Независимо от того, стало ли послание Вассиана известно уже сразу в 1480—1481 гг. или же оно начало бытовать в качестве историко-публицистического памятника лишь в составе летописания конца XV и в XVI в., оно представляет собой важный исторический источник».⁴

¹ В Новгородской летописи по списку Дубровского дата написания послания указана в начале его «в лѣто шестытысящное деветьсот девяносто» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 517). При цитировании тексты передаются по правилам ТОДРЛ вне зависимости от их источника.

² *Вернадский Г. В.* История России в средние века. Тверь; М., 1997. С. 86 (работа над томом завершена автором в 1958 г.).

³ Только в одном исключительном случае в раннем нелетописном списке (о нем ниже) Послание содержит пробел в указании имени автора.

⁴ *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994 (гл. 4: Государь всяя Руси. § 13. Освобождение от ордынского суверенитета).

Как текст, игравший роль в деле окончательного освобождения от татарского ига, Послание Вассиана часто упоминается, но довольно мало исследуется. Исторические работы, посвященные событиям 1480 г., его учитывали, но мало анализировали, потому, очевидно, что, будучи произведением торжественного красноречия, Послание не совсем встраивается в ряд исторических источников. К тому же Послание не слишком хорошо укладывалось в ту схему двух основных исторических сил, которая в советский период была абсолютно доминирующей, а до него и после него — преобладающей. Имея в виду эту схему, Я. С. Лурье писал: «Роль Вассиана оценивается историками и филологами по-разному: некоторые авторы считали, что „Послание“ свидетельствует о принадлежности его к „консервативной группе феодалов“, но большинство исследователей (Л. В. Черепнин, И. М. Кудрявцев, А. Н. Насонов и др.) видели в В. не „консерватора“, а, напротив, идеолога складывающегося Русского государства».⁵ Таким образом, Послание в рамках схемы поддается двум прямо противоположным истолкованиям, и количественное преобладание одной группы толкователей над другой не спасает дела: схема не работает, она нуждается в коррективах или отмене.

За пределами советской исторической школы Послание исследовалось в его юридическом и политическом аспектах. Например, Гальперин, анализируя Послание, подчеркивает оригинальность позиции автора, отрицающего истинность татарского царского титула и противопоставляющего ему как единственно истинный царский титул православного властителя. Татарские цари нелегитимны, согласно Посланию, потому что православие является необходимой основой царской власти. Гальперин подчеркивает, что Послание, войдя в летописи, не распространяло своего идейного влияния, слишком своеобразного. Хотя оно продолжало воспроизводиться в источниках и в эпоху царствования Ивана IV, его основная юридическая и политическая идея не получала никакого применения, царский титул чингизидов продолжал цениться очень высоко.⁶ Мнение об изолированности Послания в мире русских идей представляется отчасти обусловленным евразийскими тенденциями, сильными у русской исторической школы на Западе. Разумеется, влияние незаконодательного по своему жанру текста на политическую практику не может быть совершенно прямым и однозначно доказуемым; тем менее такое влияние может быть прослежено, когда речь идет о русской политике времен становления московской монархии, мало оперировавшей письменными документами и отнюдь не всегда последовательной. Однако имеется весьма серьезная возможность выяснить степень влияния для тех времен того или иного утверждения. Значимые тексты воспроизводятся в важных официальных летописных сводах. Послание Вассиана, с этой точки зрения, одно из наиболее влиятельных в XVI в. русских произведений политического характера. Значительность его для эпохи архиепископа, потом митрополита Макария, эпохи конца правления Василия III, последнего периода царствования Ивана Грозного доказывается фактами включения в Новгородскую летопись

⁵ Лурье Я. С. Вассиан Рыло // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 124.

⁶ Halperin Ch. J. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986. P. 149—166. Здесь Гальперин следует в направлении, указанном М. Чернявским, см.: Чернявский М. Хан или василевс: Один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 442—456.

по списку Дубровского, Воскресенскую летопись и, наконец, в официальный парадный Лицевой летописный свод. В Лицевом своде после текста Послания было добавлено: «Таковое же послание бысть на укрѣпление и на ползу многимъ, якоже самому благочестивому самодержъцу, тако и всему его воиньству...».⁷ Таким образом, не может быть сомнения в том, что Послание Вассиана для московского периода в целом является произведением несравнимо более влиятельным, чем, например, послания о Третьем Риме, которые вообще не включались в летописи.

Последние десятилетия Послание привлекается в основном для исследований, довольно многочисленных, посвященных истории титулов московских властителей, идей московской государственности. В этой области оно даже если и цитируется, то неохотно, вынужденно.⁸ И это понятно, ведь Послание, приписывающее московскому великому князю в 1480 г. ни с чем несравнимую царскую, императорскую, всемирную, божественную власть, мешает попыткам построить разумную, последовательную историю великорусской политической терминологии и политической мысли вообще. Послание не поддается прямому использованию как юридический или исторический источник, поскольку оно неоднородно, оно нуждается в филологическом подходе. Нужно попытаться выяснить, откуда и как явилось это произведение, не столько отражавшее реальность, сколько стремившееся воздействовать на нее, что, впрочем, естественно для жанра, предполагающего призыв, увещание, мольбу.

«Послание на Угру» в контексте борьбы политических интересов и исторических версий

Хотя «Послание на Угру» до сих пор не имеет научного издания, вопросы о списках его давно и много обсуждаются, будучи связаны с многосложной историей внутренней русской борьбы мнений и политических сил как в период собственно столкновения с Ахматом в 1480 г., так и после него.

Послание Вассиана появляется сразу в двух рукописях конца XV в., соотношение которых составляет предмет споров между исследователями.

Вологодско-Пермская летопись — первый летописный свод, вмещающий Послание на Угру епископа Вассиана. Этот источник на современном этапе изучения русских летописей предстал как один из наиболее интересных сводов конца XV в., особенно после появления в науке Лондонского списка, завер-

⁷ Текст из Шумиловского тома Лицевого свода напечатан при публикации Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000. С. 203—212.

⁸ См., например: *Сипицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998 (Международный семинар «Da Roma alla Terza Roma»). Здесь Посланию на Угру посвящено чуть больше страницы (С. 117—118). Семинар «Da Roma alla Terza Roma», работающий уже третье десятилетие и издавший собрание источников по истории русской социально-политической мысли XV—XVI вв. (*L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV—XVI: Fonti per la storia del pensiero sociale russo.* Roma, 1993), вообще не рассматривал этот текст, хотя неоднократно обращался к теме русского имперского сознания. Проблема, вероятно, заключается в том, что семинаром руководят историки римского права, стремящиеся выявить в русских источниках адекватный их методам материал.

шающего изложение событий 1499 г.⁹ Вологодско-Пермская летопись содержит особую версию рассказа о событиях на Угре.¹⁰ Это наиболее органичный контекст Послания. Вологодско-Пермская сообщает, что после получения трех посланий — Вассиана, Геронтия и Паисия, игумена Троице-Сергиевой лавры, — великий князь решил подняться против врага и ненавистное иго было уничтожено. О существовании именно цикла посланий упомянуто дважды, перед Посланием Вассиана и после него,¹¹ но два других не приведены. Таким образом, именно Послание епископа Вассиана выступает в Вологодско-Пермской как решающий этап в борьбе за сокрушение ига.

Другая рукопись — сборник РГБ, Музейного собрания № 3271, так называемый Музейный сборник, изучению которого положил начало еще А. Д. Седельников,¹² до сих пор вызывает интерес исследователей. В нем содержатся материалы, центральные, наиболее важные для понимания процессов, происходивших в книжности конца XV в., в том числе касающиеся ереси жидовствующих; там же помещен летописец, демонстрирующий пересечения с Вологодско-Пермской летописью. В сборнике Послание помещено без имени автора, вслед за посланием митрополита Геронтия.¹³ Во второй части сборника, при Музейном летописце, последней среди дополнительных статей помещена повесть об Угре, совпадающая с рассказом Вологодско-Пермской летописи, но обрывающаяся раньше, еще до начала Послания на Угру.¹⁴

В свое время А. Д. Седельников рассмотрел Музейный сборник в его целостности, как архив, и, установив связь некоторых документов этого архива с кругом новгородского епископа Геннадия, выдвинул предположение о новгородском, геннадиевском кружке, происхождении всего архива. Седельников занимался преимущественно рассмотрением рассказа о преследовании инквизицией испанских жидовствующих, происхождение которого связано в самом тексте с Юрием, сопровождавшим цесарского посла, т. е. Юрием Траханиотом. Исследователь указывает на сотрудничество Геннадия с братьями Траханиотами — греками Дмитрием и Юрием, приехавшими в свите Софии Палеолог, имевшими связи в католическом мире и часто совершавшими дипломатические выезды на Запад. Это, как и присутствие в архиве ряда документов

⁹ В предисловии к изданию 1959 г. сообщено, что копия Лондонского списка была получена, когда издание уже было готово и разночтения по Лондонском списку были помещены в приложении (ПСРЛ. Т.26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. Предисловие. С. 7).

¹⁰ Лурье Я. С. Летопись Вологодско-Пермская // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 38. В предисловии Б. М. Клосса к новому переизданию летописи (М., 2006. С. IX) рассказ об Угре охарактеризован как «совершенно оригинальный».

¹¹ «Князь же великий принял грамоту митрополиту Геронтиеву и архиепископлю Васьянову, и игуменову Пасѣину, милостью Божьею и пречистыя Матери Его и святых чудотворецъ молением исполнился князь великий радости и мужества и крѣпости и начат с полки своими крѣпко стояти противу безбожному Ахмету» (ПСРЛ. Т. 26. С. 273).

¹² Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды комиссии по древнерусской литературе Академии наук. Л., 1932. Т. 1. С. 33—57.

¹³ Т. е. сначала на л. 18 об.: «Благословение Геронтия митрополита всея Руси», за этим следует (л. 19 об.). «Благоверному и христолюбивому <...> и преславному государю, великому князю Ивану Васильевичу всея Руси <...> богомолец твои, господине (пробет влесто имени), благославляю и челом бую» (Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции. С. 39).

¹⁴ Лурье Я. С. 1) Летопись Вологодско-Пермская. С. 39; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 130, примеч. 28: «В Муз. № 3271 рассказ об Угре обрывается на словах: „и у иных прочих чудотворцев, быючи челом...“ (л. 265 об. Ср.: ПСРЛ. Т. 26. С. 265)».

антиеретического содержания — против ереси жидовствующих, и заставило Седельникова остановиться на идее принадлежности архива геннадиевскому кружку, по мнению других исследователей, не совсем убедительной. Здесь же он представил общую картину расстановки сил в тот период — разделение на две партии, одна из которых, включающая Геннадия, близка к Софии Палеолог и борется с еретиками, присоединяя к этому политическую борьбу против укрепившейся при дворе партии Елены Волошанки и Федора Курицына, поддерживающих ересь. Документы архива, как мы видели выше, не отвечают взглядам отдельной партии. Состав его более сложен, чем интересы партии. Как таковой, жанр сборника, отражающего архив, очевидно, не допускает анализа с целью выявить единую идеологическую тенденцию. В свете наших целей важным оказывается прежде всего выяснение условий формирования архива.

Седельников отметил, что в Музейном сборнике нет новгородизмов, как их и нет обычно в документах, вышедших из Геннадиева кружка. Есть заметка о хождении вокруг алтаря — тема, в обсуждение которой Геннадий был в свое время вовлечен. Здесь выражено мнение, противоположное Геннадиеву, как отмечает сам Седельников.¹⁵ В сборнике есть отрывки из Хождения Афанасия Никитина. Это, как показывают новейшие исследования, связывает его с кругом Кирилло-Белозерской книжности.¹⁶ Еще один текст, который мог бы пролить свет на происхождение сборника и связи его, — Родословие русских князей. Родословие здесь кончается на Дмитрие, сыне Ивана Ивановича, внуке Ивана Васильевича (род. 1485 г., венчан на великое княжение в 1497 г.), но не сказано ничего о сыновьях Софьи — Василий Иванович родился в 1479 г.¹⁷ Такие родословия московских князей известны по летописям, но обычно, если упоминается Дмитрий, то ему предшествуют имена сыновей Ивана Васильевича от Софьи, так что странность версии Музейного сборника требует объяснения. Полезным здесь мог бы быть весьма сходный, хотя не совпадающий дословно текст родословца в одном из сборников Ефросина.¹⁸ Здесь так же перед именем Дмитрия нет указания на сыновей Софьи. Но заключительное имя «Димитрей сынъ его», по наблюдениям новейшего исследователя, могло быть приписано позже.¹⁹ Не исключено, таким образом, что Музейный сборник следует здесь за Кирилло-Белозерским. В работах последнего времени начинает все яснее вырисовываться, тяготеющая к Вологодско-Пермской епископии книжная среда, в которой происходит взаимодействие с Кирилло-Белозерской книжностью.²⁰ Относительно Музейного сборника в основном подтверждает-

¹⁵ Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции. С. 42.

¹⁶ Музейный сборник общими почерками писцов совпадает со сборником РНБ, Софийского собр. № 1462, в котором обнаруживается автограф Кирилло-Белозерского книжника Ефросина. Таково одно из оснований, позволяющих считать Хождение Афанасия Никитина входящим в круг интересов Ефросина (Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponica*. 2005. Т. 22. С. 281).

¹⁷ Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции. С. 40.

¹⁸ Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086 — Каган М. Д., Попырко Н. В., *Рождественская М. В.* Описание сборников XV века книгописца Ефросина // *ТОДРЛ*. Л., 1980. Т. 35. С. 118.

¹⁹ Кистерева С. Н. Кодикологические наблюдения над Ефросиновским сборником с «Задонщиной» // *Архив русской истории*. М., 1993. Вып. 3. С. 212.

²⁰ См. процитированные выше исследования С. Н. Кистерева, А. Г. Боброва, в особенности важна работа: Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль, 1993.

ся правота Кудрявцева, предположившего, что сборник отражает материалы архива Филофея, епископа Пермского, и складывался он в 90-е гг. во взаимодействии с Вологодско-Пермской летописью. И. М. Кудрявцев опубликовал находящийся в сборнике Музейный летописец, который и до этого, и после продолжал привлекать историков как ключевой документ, позволяющий ставить и разрешать основные проблемы общерусского летописания XV в.²¹ Исследуя связи между Музейным летописцем, великокняжескими сводами 1479 г. (с привлечением других летописных сводов) и Вологодско-Пермской летописью, Лурье пришел к следующему заключению: Вологодско-Пермская летопись и Музейный летописец отражают в общих частях наиболее ранний московский великокняжеский свод, работа над которым, по Лурье, шла в 50—70-е гг. Музейный летописец — наиболее ранний сохранившийся фрагмент свода, завершеного в начале 70-х гг., неясно в точности когда, поскольку памятник, воспроизведенный в Музейном сборнике, имеет фрагментарный характер. Версию дополненной редакции свода, отраженной в Вологодско-Пермской летописи, Лурье датирует довольно точно временем после брака Ивана Васильевича с Софией Палеолог — 1472 г.²² Сам Музейный сборник мог быть составлен и в Вологде в 90-е гг., но этот вывод не распространяется на весь материал сборника. Музейный сборник «может быть связан с традицией ВП только своей последней дополнительной статьей — „О приходе Ахмута“ (не имеющей, впрочем, никаких вологодских черт), которая могла попасть и в ВП из Муз., и наоборот — в Муз. из ВП».²³ Лурье на некоторой фазе своих размышлений считал, что рассказ об Угре Вологодско-Пермской летописи так и возник в 1499 г. прямо в составе первой редакции летописи.²⁴ Б. М. Клосс пришел к заключению, подтверждающему в основном наблюдения Я. С. Лурье, что Музейный летописец в известиях до 1480 г. отражает первоначальную редакцию Вологодско-Пермской летописи или общерусскую основу этой летописи.²⁵

Таким образом, материалы, нашедшие себе место в Вологодско-Пермской епархии, ведут и к Кирилло-Белозерскому монастырю, и к Москве, и к Новгороду, поскольку в Музейном сборнике есть элементы архива архиепископа Геннадия.

Существенно для нас отмеченное Седельниковым полное совпадение водяных знаков части Музейного сборника со знаками рукописи РГБ, собрания Ундольского № 1.²⁶ Это знаменитый библейский сборник Ивана Черного, работа над которым шла в 80-е гг. Иван Черный известен как редактор и переписчик четырех важных книг, работавший по поручению великого князя. Был обвинен в ереси и бежал.²⁷ Иван Черный имел новгородские связи, но работал, очевидно, в Москве; после его исчезновения книжная деятельность,

²¹ Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1963. Вып. 25.

²² Лурье Я. С. Общерусские летописи. С. 147.

²³ Там же. Примеч. 68.

²⁴ Лурье Я. С. Повести о стоянии на Угре // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 207.

²⁵ Предисловие Б. М. Клосса к новому переизданию летописи. С. XIII.

²⁶ Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции. С. 36.

²⁷ Клосс Б. М. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1971. Т. 32. С. 61—72.

им начатая, продолжалась (книги дополнялись), остается неясным, как она была организована.

Итак, некоторые, во всяком случае, тексты, входящие в Музейный сборник и Вологодско-Пермскую летопись, имели московскую фазу существования. Указывает на Москву и бумага, общая у Музейного сборника и сборника Ундольского. Послание Вассиана и весь рассказ об Угре находятся в рассматриваемых рукописях вблизи текстов, связанных с великокняжеским летописанием, расцветшим после 1472 г., но не той версии, которая победила в 80-е гг. Это какой-то особый, работавший для великого князя центр, плоды деятельности которого в 80-е гг. вытеснились в Вологодско-Пермскую епископию, возможно через Кирилло-Белозерскую книжность или в связи с ней. Может быть, к этому же центру на его московском этапе принадлежала мастерская Ивана Черного.

Послание представлено в летописях как личное обращение к великому князю его духовника — епископа Ростовского Вассиана в опасный момент колебаний и страха перед лицом татарской опасности, однако оно не вошло в описание событий в версии, победившей в летописании 80-х гг.

С кругом архиепископа Вассиана связан важнейший источник по истории событий 1480 г. — Типографская летопись, отражающая ростовский свод, но не включающая «Послания на Угру». Здесь помещен подробный рассказ об организации похода великого князя на Угру и упоминается участие — советами и молитвами — великокняжеского духовника Вассиана Ростовского. Я. С. Лурье определяет рассказ Типографской летописи как близкий к посланию Вассиана и написанный вскоре после стояния на Угре в кругу архиепископа Вассиана и считает, что эта версия событий создана не в пределах ростовской летописи, а отдельно. Лурье указывает, что рассказ получил распространение через официальное великокняжеское летописание — в великокняжеском своде первой половины 90-х гг., и как через великокняжеский свод, так и через ростовский свод рассказа вошел в свод 1518 г., т. е. оказался весьма влиятельным впоследствии.²⁸

Б. М. Клосс и В. Д. Назарова, следуя в этом Шахматову,²⁹ высказали предположение, что и рассказ об Угре из ростовского свода, и связанные с ним статьи написал Вассиан, т. е. автор «Послания на Угру».³⁰ Основанием для такого суждения служило большое сходство текстов. Но обратим внимание на тот факт, что в Типографской летописи нет самого «Послания на Угру», хотя, казалось бы, ничто не мешало ему там появиться. В рассказе ростовского свода нет даже намсков на существование этого произведения, хотя рассказ явно пишется в период, почти совпадающий с событиями, и кончается сообщением о смерти владыки Вассиана. Есть вероятность, следовательно, что Послание не существовало еще в период до смерти Вассиана. Составитель ростовского свода мог вставить Послание и позже, но не сделал этого. Видимо, мнения, выраженные в рассказе победившей на некоторый период в Москве и вошедшей в ростовский свод версии, и мнения Послания не так близки, как кажется. Лишь

²⁸ Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. С. 180.

²⁹ Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 1. С. 422—423, примеч. 3.

³⁰ См.: Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV века // Древнерусское искусство: XIV—XV вв. М., 1984. С. 303—313.

свод 1518 г. соединил их, но работа этого сводчика над рассказом о событиях 1480 г. известна своей небрежностью, а результат отличается беспорядочностью и противоречивостью.³¹ Видимо, противостояние версий в рассказах о событиях 1480 г. было безразлично этому сводчику и он смешал их без особых размышлений.

Рассмотрим противостояние двух рассказов — того, что вошел в ростовское летописание и был близок кругу епископа Вассиана,³² и того, что включил Послание Вассиана, т. е. версий Типографской и Вологодско-Пермской летописей.

В Типографской летописи в энергичных ораторских пассажах выражается совершенно определенный субъективный взгляд на события. В ростовском своде, в части, примыкающей к 1480 г., отражаются сильные страсти, редкие для летописного жанра: летописец не сдерживает эмоций, им владеет чувство преданности великому князю, он одобряет и оправдывает почти всякое его деяние, в том числе — взятие Новгорода. Первостепенная роль владыки Вассиана в событиях подчеркнута, где только возможно, но спокойно, без прорыва эмоций, без специальных эпитетов, что отличает эти упоминания от общего стиля повествования.

Началу рассказа о нашествии Ахмата непосредственно предшествует сообщение о приезде Андрея Палеолога «отъ Рима» «на Москву». Тут же указано, что того же лета в селе, принадлежавшем ростовскому епископу, сгорела церковь Николы «и пречюдные кресты згорѣ чудотворные», а на Москве у Рождества Пречистые, «у Лазаря святого, верхъ впадесе напрасно нѣкако и страшно в нощи и иконы поби...».³³ Это сообщение может быть интерпретировано и как предзнаменование наступающих бедствий — прихода татар, но и как следствие появления на Москве Андрея Палеолога. Вассиану было свойственно устанавливать связь между нарушением атмосферы благоверия и несчастьями материального характера.

В рассказе Типографской летописи есть отрицательные персонажи — злые советники великого князя, советующие ему уклоняться от битвы с татарами, — знаменитые и разошедшиеся по другим летописным сводам «сребролюбцы богатые и брюхатые, предатели христианские, норовники бусурманские, устами которых говорит дьявол»;³⁴ никакая сила, которая бы противостояла уговорам этих предателей и имела бы противоположное влияние, здесь вообще не указана. Великий князь, по существу следуя этим уговорам, удаляется с войском к Боровску. Прежде было сказано, что мать великого князя, митрополит Геронтий, Вассиан и Паисий Троицкий увещевали великого князя мириться с братьями. Теперь же сказано только, что все в страхе молятся в Москве, не ожидая ни от кого помощи. Летописец осторожно ищет объяснения случившемуся — бегству и русских, и татар друг от друга: злые советники оказывают свое влияние и русские уходят, напугав татар, которые видят за

³¹ О противоречиях и нестыковках в версии событий в своде 1518 г. см.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 183—185.

³² Я. С. Лурье характеризует ростовский свод — Типографскую летопись как особо сочувствующую Вассиану и негодующую против его врагов: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 210—240 (Гл. 5).

³³ ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. М., 2000. С. 199.

³⁴ Там же. С. 200.

этим немотивированным отступлением некий таинственный маневр. Сыграло свою роль и неожиданное похолодание — замерзли реки, это открыло возможность прямого столкновения, к которому стороны были не готовы, и обе враждебные силы пускаются в бегство, испугавшись друг друга. Намечена версия понимания этого бегства как чуда Богородицы — но довольно слабо. В конце статьи летописец возвращается к климатическим аргументам: «...бѣ бо тогда студень и мрази велицы, а царь побѣжал ноября 11» (С. 201).

И царь Ахмат, и царевици татарские — все упоминаются без негативных определений, татарское нашествие не окрашено ни в какие особые тона, ни апокалиптические, ни даже просто драматические. Взрыв эмоций вызывает другая сила, которая хуже татар: великая княгиня Софья и ее свита. Довольно иррационально, явно под воздействием эмоций, строится сообщение о бегстве жены великого князя. Софья бежала на Белоозеро от татар, «а не гоняль никто, и по которымъ странамъ ходили, тѣмъ пуще стало татарь и отъ боярьскихъ холоповъ, отъ кровопивцевъ крестьяньскихъ» (С. 201). Весьма неловко вводится тема опасности, в которую может повергнуть человека чрезмерная любовь к жене. Якобы речь идет о женах, которые были при этом бегстве с холопами: «Быша бы ихъ и жены тамо, възлюбиха бо паче жены, неже православноую хрестьянскую вѣру и святыя церкви <...> съгласившася предати хрестьянству, ослѣпѣ бо злоба ихъ» (С. 201). Но Бог помиловал — оказывается, что и здесь идет речь о спасении от врагов веры: предатели христиан — холопы Софьиной свиты — здесь как-то контекстуально сливаются с предателями христиан — злыми советниками, с «богатыми и брюхатыми», а Бог помиловал в общем деле стояния за православное христианство против бусурманства. Заключительный торжественный призыв «О храбри мужественни сынове Рустии! Подщитесь схранити свое отечество, Рускою землю, отъ поганыхъ, не пощадите своихъ главъ, да не узрятъ очи ваши расплѣнения и разграбления <...> и убьения чадъ вашихъ...» (С. 201). Автор странным образом относит эти ужасные опыты не к Руси, а к другим странам, павшим под турецкой пятой: «...иже не стяжа мужественѣ и погибоша и отечество изгубиша и землю и оподарьство и китаются по чюжимъ странамъ бѣднѣ <...> поношаеми, оплеваемы, яко немужествени, и иже збѣгоша котории съ имѣнми многими и з женами и з дѣтми в чюжие страны, вкупѣ со златом и душа и телеса своя загубиша...» (С. 201—202). Оратор сам видел великих государей, бежавших от турок с имением, скитающихся и «смерти у Бога просящихъ» (С. 202). Это взгляд и стиль человека, неискушенного в истории или очень тенденциозного, согласно которому в гибели православных стран виноваты государи этих стран, которые не встали против врага, а убежали с богатствами. Здесь, очевидно, исторический горизонт автору заслоняет семья Палеологов. Вспомним, что с сообщения о приезде Андрея начинается вообще весь рассказ о нашествии Ахмата, здесь и предупреждение великому князю, у которого в период Угры было якобы намерение последовать за Софьей с казною на север, т. е. воспроизвести образ действий Палеологов.

Итак, перед нами текст с существенным ораторским элементом, адресованный не потомкам, а современной аудитории на Угре — с поучениями и наставлениями в связи с этими событиями, текст страстный, неизошренный, с логическими нарушениями, но довольно целостный, поскольку проникнут единым убеждением и единым чувством — сознанием необходимо-

сти противостоять мусульманам, но пуще всего сознанием опасности от бежавших и скитающихся государей и их сторонников, не ясно, вполне ли сохранивших православие. Вероятно, составитель этого текста воспроизводил речи епископа Вассиана.³⁵ Текст этот был создан с целью немедленного распространения, и он получил ход, как мы знаем, поскольку влияние его обнаруживается исследователями в рассказах об Угре в других сводах. Конечно, цель рассказа — призвать князя стоять против врагов, но ввиду того, что непосредственной опасности со стороны татар в период, следующий за Угрой, не было, возможно, мы вправе видеть в рассказе и более мелкую цель — обратить внимание князя на злонамеренность и опасность его советчиков и в особенности подвести мину под Палеологов, Софью и ее свиту. Что автору и удалось.

Идет острая борьба партий. Незадолго до Угры Вассиан вместе с чудовским аримандритом Геннадием храбро и очертя голову пошли против митрополита Геронтия, обвинив его в том, что из-за неправильного отправления им обряда при освящении Успенского собора (ходил против солнца — как и требовалось, впрочем) случились беды. По интерпретации исследователей, обвинители имели в виду пожар в Кремле, случившийся через месяц после освящения собора.³⁶ Против Геронтия в поддержку Вассиана и Геннадия выступил сам великий князь. Конфликт между великим князем и Геронтием прервался только на момент опасности от Ахмата и возобновился с новой силой в 1481 г.

Другой важный конфликт случился между великим князем и Вассианом, с одной стороны, митрополитом Геронтием и верейскими князьями и Кирилловым монастырем, с другой. Речь шла о подчинении Кириллова монастыря ростовскому епископу: «Ти бо черньци Кирилова монастыря превознесеса своимъ высокоумиемъ суетнымъ и богатствомъ, не восхотѣша быти под правдами ростовскими епископыи, ни повиноватися ростовскому архиепископу...» — пишет ростовский летописец.³⁷

Великий князь велит созвать собор и дать суд архиепископу на митрополита, складывается острейшая и тяжелая ситуация, за которой стоит, очевидно, вопрос о положении последнего независимого удела, Верейского княжества. Верейское княжество в этот период становится палеологовским гнездом, поскольку Софья отдала свою племянницу Марию Палеолог за молодого князя Верейского, Василия Михайловича. В момент нашествия Ахмата Софья, как мы уже знаем, удаляется в это родственное княжество.³⁸ В конце 1483 г. Иван Васильевич расправился с Верейскими князьями; существенно, что расправа приняла форму обвинения против Софьи и конфликта с ней. Речь шла об узорочье, которое Софья отдала в приданое за своей племянницей. Великий князь, якобы хватившись узорочья, которое вознамерился подарить своей не-

³⁵ Б. М. Клосс и В. Д. Назаров предполагают значительное участие самого владыки Вассиана в разработке версии событий, представленной в Типографской летописи: *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси... С. 296—299.

³⁶ *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* 1. Poleмическое сочинение 1481 года о хождении «посолонь» // *Culture and Identity in Muscovy (1359—1584) = Московская Русь (1359—1584): Культура и историческое самосознание.* М., 1997. С. 360. Здесь опубликовано полемическое сочинение о хождении «посолонь» и рассмотрена история спора.

³⁷ ПСРЛ. Т. 24. С. 197.

³⁸ Н. М. Карамзин указывает, что Софья выехала с двором своим в Дмитров, а оттуда на судах удалась к пределам Белого озера: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. 2, т. 6. С. 92.

вестке Елене (Волошанке) по случаю рождения внука Димитрия, приказал отнять у Василия Михайловича все приданое; наверное, были и еще более серьезные угрозы, во всяком случае молодой князь верейский с женой Марией бежали в Литву. В 1485 г. перед смертью старый князь верейский был принужден отписать все свое имущество великому князю.³⁹

Во второй половине 80-х гг. расстановка сил усложняется и конфликты ужесточаются. Возникает новая тема для обвинений — ересь; начинается война с еретиками, провозглашенная архиепископом Геннадием, богословом опрометчивым и горячим. Напряжение усиливается в связи с гибелью наследника Ивана Ивановича. В 1497 г. в конфликте между Софьей, Василием, с одной стороны, и великим князем Иваном Васильевичем, с другой — фигурирует обвинение в намерении, якобы имевшемся у Василия, бежать в Вологду и на Белоозеро и там пограбить казну.⁴⁰ Сторонники Василия и Софьи казнены. В 1498 г. осуществляется торжественное венчание на великое княжение внука Дмитрия. Но в 1499 г. неожиданно, по неизвестным для летописцев причинам, победа переходит к партии Софьи и Василия. Великий князь казнит их противников, Василий становится великим князем Новгорода и Пскова.⁴¹

Послание на Угру впервые появляется в Вологодско-Пермской летописи, в том своде, который и завершался в момент победы Василия Ивановича. Версия событий 1480 г., помещенная в этом своде, даже и чисто теоретически не могла совпадать с версией ростовского свода. Она должна была иметь другое происхождение, восходить к другому кругу. Вологодско-Пермская епископия не могла быть местом возникновения, но могла стать местом сохранения ее в епископском архиве в период вытеснения палеологовской партии из Москвы. По обстоятельствам 1499 г. свод Вологодско-Пермской летописи естественным образом стал «местом выхода на поверхность» этой версии вместе с Посланием на Угру.

Рассказ Вологодско-Пермской летописи и Музейного сборника содержит интересные детали, не встречающиеся в других летописных источниках. В уста царя Ахмата здесь вложено объяснение, что он, царь, пришел воевать, поскольку Иван «ко мнѣ не идет, а мнѣ челом не бьет, а выхода мнѣ не дает девятой год».⁴² (Это вычисление относит начало неповиновения великого князя к 1472 г., ко времени битвы русских с Ахматом на Оке и брака Ивана Васильевича с византийской принцессой.) Далее разгневанный царь Ахмат требует, чтобы Иван Васильевич явился к его стремени. Эти сведения напоминают известия, содержащиеся в источнике совсем другого, не русского и не летописного происхождения — в «Записках» Герберштейна. «Впрочем, как он ни был могуществен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот

³⁹ У Карамзина наблюдается замечательная двойственность в описании этой истории. В трагических красках описав судьбу верейских князей, он кончает так: «Присоединяя уделы к Великому Княжению, Иоанн искоренял и все остатки сей несчастной для Государства системы» (Там же. С. 113).

⁴⁰ Там же. С. 171—174, примеч. 444.

⁴¹ Там же. С. 173—175.

⁴² ПСРЛ. Т. 26. С. 265.

рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар большим». ⁴³ Далее у Герберштейна рассказывается, как Софья хитростью выставила татар из Кремля, где они прежде имели свой дом. Б. Н. Флоря полагает, что эту версию, ставящую во главе борьбы против татар византийско-римскую принцессу, Герберштейн мог услышать от Юрия Траханиота младшего. ⁴⁴ Против такого предположения не возражают и комментаторы новейшего издания «Записок» Герберштейна.

Далее в рассказе Вологодско-Пермской летописи сообщается, что великий князь молился в Москве и просил свою мать и митрополита, и Вассиана, и Прохора, епископа Сарского, молиться вместе с ним, чтобы Бог укротил гнев царев. Мать и святители призывают его положить душу свою за други своя, великий князь выходит в поход и становится на Оке, ожидая братьев. Ахмат стоит на Угре, ждет польского короля и собирается перейти Угру. Многие, сказано далее, не желающие добра Русской земле и православному христианству, советовали великому князю отступить от берега и не грубить царю (ПСРЛ. Т. 26. С. 266). Эти вести пришли к Геронтию и Вассиану, оба стали петь молебны и проливать слезы и начали посылать грамоты великому князю, и вместе с ними игумен троицкий Паисий. Здесь и следует «Послание на Угру».

Послание на Угру Вассиана Ростовского содержит идеи и формулы, превышающие требования исторического момента 1480 г. Оно расширенно толкует миссию великого князя — борьбу с агарянами. Замечательный элемент, выдающий сложность его функций и происхождения, — это пассаж, помещенный после длинных увещаний бороться с Ахматом, агитирующий за антитурецкую войну: после стиха из Писания «Блаженъ человекъ, иже положит душу свою за люди своя» следует: «И се убо, якоже слышим безбожных, сеи агаряньский языкъ приближися ко странамъ нашимъ, и ко отчъству ти. Уже бо многи сумежныя странамъ вашимъ поплени и движется на ны. Изыди убо скоро во стрѣтние ему, вземъ Бога на помощь и пречистую Богородицу, нашего хрестьянства помощницу и заступницу, и всѣхъ святыхъ его. Поревнуемъ прежде бывшимъ прародителемъ твоимъ великимъ княземъ, не точию обороняху Русскую землю отъ поганыхъ, но иныя страны обороняху и приведаху къ себѣ, еже глаголю Игоря и Святослава, и Владимира, иже на греческомъ царѣ дань имали...» (ПСРЛ. Т. 26. С. 269). ⁴⁵ Эта формула о приведении к себе иных земель, о дани с греческих царей станет впоследствии употребительной в документах московской власти. А пока битв с агарянами, взятия под себя греческой земли и принятия византийского наследства — всего этого не мог хотеть от великого князя ростовский епископ, этого хотели от него римские иерархи и в особенно-

⁴³ *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина, А. В. Назаренко; Науч. коммент. А. В. Назаренко, А. Л. Хорошкевич, С. В. Думина, М. А. Усманова. М., 1998. С. 130.

⁴⁴ *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины—начала XVI в.: Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през средновековието. София, 1982. С. 134.

⁴⁵ В этом случае (как и в некоторых других) вариант С2Л кажется лучше: «...поревнуи прежде бывшим прародителем твоим великим князем. Не точию Рускую землю обороняху от поганых, но иныя страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря и Святослава, и Владимира, иже на греческихъ царѣхъ дань имали...» (ПСРЛ Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. М., 2001. Стб. 299).

сти римские греки, снаряжавшие византийскую принцессу замуж за великого князя.⁴⁶

В миссию Софьи в России входила задача вдохновить поход под знаком Креста против врагов веры. Ее посольство организуется в атмосфере подготовки крестовых походов. В день ее заочного обручения в базилике святого Петра в Риме отплывает в крестовый поход флот, собранный папой Сикстом и возглавленный одним из кардиналов. Приданое, выделенное Зое-Софье, принадлежало, как указывает Пирлинг, фонду, специально созданному для финансирования крестовых походов.⁴⁷ Тема похода против иноверных сопровождала ее в пути. Жители Виченцы, например, имели сведения, что русский король получил в приданое от папы Морею и вообще все, что захвачено турками, с условием, что он сам все это освободит.⁴⁸

Целью деятельности наставника Софьи Виссариона, устроившего ее русский брак, было поднять властителей Европы в крестовый поход для освобождения Константинополя и Греции. Метод его действий — это убеждение, полемика в рамках классической риторики, писание и рассылка посланий, речей. Последняя группа его произведений — Послания и речи правителям Италии о необходимости соединиться и предпринять войну против турок.⁴⁹ Книга начиналась обращением к другу, которого тоже звали Виссарион, с горестным письмом о том, как медлит неаполитанский король, как он погружается в дрему, вместо того чтобы подняться на борьбу против турок, как равнодушны и непредусмотрительны итальянцы, не помогшие странам, погибавшим под пятой турок, а теперь не видящие, что турки движутся к их пределам. Виссарион в горе призывает смерть или намеревается бежать от мира в пустынные места. В посланиях к властителям автор умоляет отказаться от свойственной итальянцам осторожности, вспомнить о единстве христианского мира и поднять священную войну в его защиту. Он напоминает о бедствиях, претерпеваемых восточным христианством, о поругании икон, о девицах, вырываемых из рук отцов.⁵⁰ Цитирует Ветхий Завет в доказательство мысли о несокрушимости тех, с кем Бог. Особенно важен для Виссариона образ терзаемых волком овец, восходящий к притче об овцах и пастыре из Евангелия от Иоанна: «Азь есмь пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ, иже нѣсть пастырь, емуже не суть овцы своя, видитъ волка грядуща, и оставляетъ овцы и бѣгаетъ, и волкъ расхититъ ихъ, и распудитъ овцы. А наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть, и не радить о овцахъ. Азь есмь пастырь добрый...» (Ин. 10 : 11—14). Виссарион толкует притчу не совсем традиционно, приспособлявая ее к трагическим обстоятельствам. Правители Европы не позаботились о спасении овец — христианских народов Востока, не собрали денег на нужды их защиты. Волк ворвался к ним беспрепятственно, как если бы

⁴⁶ Пирлинг П. Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане: Иван III и София Палеолог. СПб., 1892.

⁴⁷ Там же. С. 68—69.

⁴⁸ Там же. Приложение. С. 223—224.

⁴⁹ Речи были напечатаны в 1471 г. в Париже на латыни и в Венеции по-итальянски. Использую итальянское издание 1594 г.: *Lettere e Orazioni di Monsignor Bessarione cardinale Niceno Scritte a Principi d'Italia intorno al collegarsi, et Imprendere guerra contro il Turco*. Firenze, 1594. Roma. Biblioteca Nazionale Misc. Vol. 595, 2.

⁵⁰ Там же. С. 36.

он нашел двери хлева разломанными. Волк терзает и убивает овец. Вероятными спасителями христианских народов, их пастырями Виссарион видит не церковных иерархов, которые лишены возможности сопротивления в условиях войны, а христианских властителей.⁵¹ По Виссариону, реальные властители не решаются принять пастырскую роль не только из-за злых советников, но в основном потому, что не понимают единства христианского мира. Они считают, что судьба христианского Востока их не касается, думают только о своих странах, но, утверждает Виссарион, враг у них общий — «*inimico universale de tutti*», он придет и на Запад.

Сходным образом притча о пастыре толкуется в Послании на Угру, где ею определяется вся первая часть. Притча здесь процитирована в речи митрополита, которую приводит Вассиан. Но вместо слов «Азь есмь пастырь добрый», как в притче, следует обращение к государю, которому предлагается не бежать как наемнику, а стать пастырем, что означает — стать воином Христовым и выйти против волка Ахмата. Цель волка Ахмата исключительно крупномасштабна: он хочет «до конца разорити христьянство» (ПСРЛ Т. 6, вып. 2. Стб. 297).⁵² Злые советники, льстецы уговаривают государя «отступить и предати на расхищение волком словесное стадо Христовых овец» (Там же). Итак, для обоих произведений идеальный пастырь овец — это властитель-воин, поднимающийся на войну против врага — волка. Враг же — общий. Это сходство не указывает на контакт между текстами, но свидетельствует об общности их идеологии. Образ властителя-пастыря-воина, заменившего Христа в контексте притчи об овцах, утвердился в русской традиции благодаря Посланию на Угру и получил широкое применение в последующей политической литературе.⁵³

У Виссариона есть еще одна ставшая потом важной для русской традиции тема: венчание-коронование властителя в бою, царский венец сближается с венцом мученика. Виссарион ссылается на блаженного Павла и на Аристотеля: «*Beato Paulo dice — non è coronato, se non colui, che combatte giustamente, & Aristotele scrive, non si coronano quelli, che stanno à vedere, ma ben coloro che s'adoperano con valore, menando le mani contra l'avversario*» — «Блаженный Павел говорит: лишь тот увенчан (коронован), кто сражается за справедливое дело (за правду). Аристотель пишет: не те коронованы, кто стоит и смотрит, но те, кто действует достойно, поднимая руку на врага... <далее о героически-мученической гибели в бою, которая, возможно, ждет поднявшегося за правое дело>».⁵⁴ Здесь можно узнать с некоторым трудом слова ап. Павла из 2 Послания к Тимофею (2 : 3, 5) «Ты убо злопостражди яко добръ воинъ Иисус Христос

⁵¹ Per questa ragion sola tutte quelle nationi sono andate in perdizione, e il Lupo ha fatto empito contra le pecore; come se haveste ritrovato le porte della stalla spezzate. Le sta sempre adosso furiosamente premendole, e amazzandole. — *Lettere e Orazioni di Monsignor Bessarione... P.4.*

⁵² Так же понимает цель врага Виссарион: «*inimico universale de tutti*».

⁵³ Такое же толкование притчи об овцах, вдохновленное Посланием на Угру, находится в анонимном Послании к царю из Сильвестровского сборника. Текст послания и исследование см.: *Голохвастов Д. П., Леонид, архим.* Благовещенский перей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 69—87. Литература об этом произведении указана в статье: *Булатин Д. М., Колесов В. В.* Сильвестр // *Словарь книжников.* Вып. 2, ч. 2. С. 325—326. Новейшая работа с атрибуцией текста Макарино: *Макарий (Веретенников), архим.* К вопросу об авторстве послания к царю // *Альфа и Омега.* 2008. № 3(53). Архимандрит Макарий широко использует такое толкование притчи, как, впрочем, и вообще Послание на Угру.

⁵⁴ *Lettere e Orazioni di Monsignor Bessarione... P. 39—40.*

<...>. Аще же и постраждет кто, не вѣнчается, аще не законно мучень будеть». Согласно ап. Павлу венчается мученическим венцом лишь тот, кто мучен за правду; согласно интерпретации Виссариона, лишь те властители действительно увенчаны, кто поднимается за правое дело. У Аристотеля же не возьмемся искать приписанного ему Виссарионом высказывания.

В Послании на Угру нет такого прямого отождествления венца воина Христова, мученика, с венцом властителя, но некоторое сближение осуществлено. И в случае победы без жертв «и осѣнит Богъ над главою твоею в день брани» (ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 301). Далее идет рассуждение о получении нетленно венца по смерти.

Интересно сходство типологического характера между цитированием Аристотеля у Виссариона, сразу вслед за ап. Павлом, и цитированием Демокрита у Вассиана среди выдержек из Св. Писания. В обоих случаях античным философам приписываются мысли слишком общие. Демокрит у Вассиана: «Князю подобает имѣти ум ко всѣм премѣнным, а на супостаты крѣпость и мужество, и храбрость, а к своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладок» (ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 299).⁵⁵ Перед нами типичный для гуманистов XV в. прием совмещения христианского и античного авторитетов. В конце Виссарион помещает речи Демосфена к гражданам Афин о посылке помощи против Филиппа Македонского.

Книга Виссариона рассылалась не только по Италии, но и правителям других христианских земель. Чтобы добавить к письменным увещаниям устные, Виссарион совершил в 1472 г. путешествие к королю Франции, миссия его провалилась, сам он умер на обратном пути. В это время его воспитанница Зоя-Софья уже приближалась к Москве. Она и люди ее свиты везли в Москву если не книгу, то во всяком случае заветы Виссариона, во исполнение которых они должны были склонять великого князя на битву с мусульманами. У Виссариона политические проекты не отделены от религиозного миропонимания, поэтому у него речь идет об общем противостоянии мусульманства и христианства. Главный пафос его — единство христиан Запада и Востока перед лицом мусульманской опасности — подразумевает преданность унии, с другой стороны, он не дифференцирует и мусульманские народы, враг един. В этом состояло существенное различие идей Виссариона и планов венецианского сената относительно Восточной Европы, сформировавшихся как раз на рубеже 60—70-х гг. Какое-то время венецианцы носились с идеей поднять татарское войско Ахмата на борьбу против Османов; эту идею им подсказал монетчик великого князя Джан Баттиста делла Вольпе (через своего племянника Джислярди), одновременно занимавшийся переговорами о браке Софьи. Если позиция Виссариона подразумевала для русских беспощадный конфликт с Ахматом, то позиция венецианцев предполагала союз между Ахматом и великим князем. 2 февраля 1471 г. сенат Венецианской республики принял решение об отправлении в орду к Ахмату сенатского секретаря — Тревизана, который по дороге, в Москве, должен был пользоваться помощью делла Вольпе, однако тот как раз отбыл в Италию для переговоров о браке. Миссия Тревизана прова-

⁵⁵ И. М. Кудрявцев отметил, что нечто подобное со ссылкой на Демокрита есть в «Пчеле». Цитаты — эта и другие — из Писания делаются по памяти: *Кудрявцев И. М. Послание на Угру Вассиана Рыло как памятник публицистики XV века // ТОДРЛ. М., Л., 1952. Т. 8. С. 181.*

лилась, когда в Москву прибыла Софья со своей свитой. П. Пирлинг предполагает, что в Москве разразился венецианско-генуэзский конфликт и генуэзцы из свиты Софьи выдали Ивану планы Венеции. Тревизан был заключен под стражу.⁵⁶ На поверхности событий остался отпечаток авантюризма делла Вольпе и других деятелей этого типа, которые из личных соображений скрывали различия вероисповедания великого князя и его греко-итальянской невесты и запутывали вопросы русско-татарско-венецианско-римских отношений, так что все кажется лишь серией обманов, более или менее ловких. Со стороны великого князя, как подчеркивают историки, по отношению к Западу было лишь одно прагматическое стремление получить побольше хороших мастеров, а политические вопросы он решал исходя из сугубо внутренних интересов.

Послание Вассиана Рыло, как кажется, создано в пределах культуры, в которой существовали если не книга Виссариона, то во всяком случае его идеи, его религиозно-политическая программа; составитель Вассианова послания не цитировал тексты Виссариона, однако он, похоже, знал, что такие тексты есть. Он знал даже, что в подобных случаях не лишне будет процитировать греческого классического автора.

В Музейном сборнике за несколько листов до Послания Вассиана находится маленькая заметка, передающая, вероятно, настроения того круга, в котором этот архив собирался и хранился: «Колко государства было, грецкое и не одно, и сербское, и болгарское, и арбанское, и босна, то уже, Богъ покори под поганство, наших грѣхов дѣля, а топерь турци переступили Чермное море, занеже взя Кафу, ино осмотримся рано».⁵⁷

Итак, Послание на Угру — сложный, весьма неоднородный текст, в котором искренние и пламенные хвалы подвигам русских князей сочетаются с некоторыми не вполне, как кажется, прорусскими политическими интересами, а в некоторых особенных поворотах мысли заметно не совсем русское влияние. Как можно гипотетически представить себе судьбу и состав группы, заинтересованной в появлении этого текста в Вологодско-Пермской летописи?

Наблюдение Б. М. Клосса о статье 1480 г. в Вологодско-Пермской летописи как совершенно оригинальной и не связанной с процессами в великокняжеском летописании⁵⁸ в сочетании с приведенными выше данными дает материал для размышлений о происхождении как самой статьи об Угре, так и Послания Вассиана, в нее включенного и с ней глубоко связанного. Клосс указывает, что оригинальная часть начинается с известия о падении звезд и звучании колоколов, после которого и следует история о приходе Ахмата. Несомненно, что это известие как описание предзнаменований служит введением к рассказу об исторических событиях. В сообщении о предзнаменованиях даны ссылки на непосредственных свидетелей — людей не только московских, но и прямо кремлевских. Известие имеет характер записи для себя и заставляет думать об участии в составлении рассказа самих свидетелей: «...а слышел то митрополич ключник Гридя, а митрополиту сказывал в пятницу ту порану дворетцкой его Сухан. А туто был Володимеръ да сын его Голова, да и протопоп

⁵⁶ Пирлинг П. Россия и Восток... Гл. 2—5.

⁵⁷ Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции. С. 38—39. Автор отмечает, что Кафа взята в 1475 г.

⁵⁸ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2006 года // ПСРЛ. Т. 26. С. IX.

Феодоръ благовѣщенской тут же тогда был» (ПСРЛ Т. 26. С. 221—262). Это — люди, встречающиеся и переговаривающиеся на соборной площади в Кремле; тут косвенно обозначена позиция митрополита Геронтия, к которому поступили сообщения. Упоминание последнего лица — Федора — имеет характер почти личной подписи.

Б. М. Клосс, главным образом исходя из этой заметки, а также характера упоминаний Геронтия и Прохора Сарского, приходит к выводу, что общерусская основа Вологодско-Пермской летописи, доведенная до 1492 г., связана с митрополитом Геронтием и прошла редактирование при дворе Прохора Сарского. Геронтий в Вологодско-Пермской летописи иногда именуется святым, а Прохор добавлен к числу лиц, бывших в Москве в 1480 г.⁵⁹

Подтверждением роли Геронтия, казалось бы, служит общность судьбы Вассианова послания с посланием Геронтия. Соседство их в документах Музейного сборника и появление и того и другого среди документов митрополичьего архива в первой трети XVI в. свидетельствует о том, что они могли находиться среди бумаг Геронтия.⁶⁰ Но вспомним, что в Музейном сборнике Вассианово Послание на Угру является анонимным, а находящееся рядом послание Геронтия имеет не более корней в исторической ситуации 1480 г., чем само Послание на Угру. Типографская летопись отмечает, что в Москве тогда были и молили великого князя о его братии именно Геронтий, Вассиан и Паисий Троицкий, но о посланиях их великому князю Типографская летопись еще ничего не знает. В Вологодско-Пермской летописи мотив увещевания получил новую силу, здесь чрезвычайно развита тема слабости властителя, его колебаний, намерения бежать, и соответственно увещательное послание мотивируется как акт спасения. Теперь, как оказывается, все трое — Вассиан, Геронтий и Паисий — пишут ему послания (подобно трем восточным патриархам, пишущим императору, о чем ниже) и спасают властителя, страну и веру.

Геронтий после 1480 г. находился в состоянии постоянного конфликта с великим князем, причины которого восходили к более раннему периоду (расхождения по обрядовым вопросам и столкновение из-за Кириллова монастыря, в котором Геронтий стоял на стороне кирилловских иноков и верейского князя против великого князя и Вассиана Ростовского). В 80-е гг. Геронтий подолгу оставлял кафедру из-за ссор или болезней. Он умер в 1489 г. и вряд ли имел возможность создать значительный архив и оставить след в летописании.⁶¹ Но следы глубокого почитания Геронтия действительно есть в Вологодско-Пермской летописи. Все это позволяет предполагать, что Геронтий примыкал в некоторый период к кругу книжности, условно называемому нами «палеологовским», который способствовал появлению Геронтиева послания вместе с Посланием Вассиана (или псевдо-Вассиана) и перемещению их в Вологодско-

⁵⁹ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. С. 164—167.

⁶⁰ Начиная с Музейного сборника существуют два послания — Геронтия и Вассиана. В Музейном сборнике второе — без имени автора. Они же довольно скоро вновь появляются в митрополичьем архиве: Русский феодальный архив: XV—первой трети XVI века. М., 1987. Т. 2. Послание Геронтия в двух версиях № 86 и № 109, Послание Вассиана № 67. Послание Паисия не обнаруживается нигде.

⁶¹ Б. М. Клосс и В. Д. Назаров отмечают, что независимое от великокняжеского летописание 80-х гг. ими реконструируемое, враждебно Геронтию: Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси... С. 311.

Пермский архив 90-х гг. Он должен был быть близок к этому кругу и до 80-гг., когда поддерживал Кирилло-Белозерский монастырь и верейского князя, и после того периода, когда его конфликт с великим князем совпадал по времени с отстранением палеологовской партии. Но в силу многих немощей и долгих отсутствий он вряд ли мог быть активным деятелем и писателем. Совсем невероятно участие в трудах «палеологовского» кружка самого Вассиана Рыла, который был резко враждебен и палеологовской партии и Геронтию. Если согласиться с тем, что версия Типографской летописи противостоит версии событий, представленной в Вологодско-Пермской вместе с Посланием, то естественно будет признать, что имя Вассиана, в свое время вдохновившего старую победившую в 80-е гг. версию (свод Типографской летописи) было внедрено, чтобы легитимизировать эту новую измененную версию.

Что касается Прохора, то упоминание о нем среди известий Вологодско-Пермской летописи о событиях 1480 г. странно неустойчиво. Прохор Сарский упомянут в рассказе об Угре несколько раз, например: «...митрополит Геронтеи да архиепископ Васьян Ростовский, да владыка Прохоръ Подрѣльскій начаша бити челом великой княгине Марфе...»; он дает благословение великому князю вместе с другими иерархами и матерью великого князя (ПСРЛ. Т. 26. С. 264—265). Чуть ниже, в непосредственной близости от Послания на Угру, при сохранении группы из трех иерархов Прохор исчезает и вместо него появляется Паисий Сергиевский, т. е. знаменитый Паисий Ярославов, в тот момент игумен Троице-Сергиева монастыря. Здесь, перед Посланием, еще не сложилась четкая группа из трех авторов, сначала названы лишь двое: «Геронтей и Пасья Сергиевской». После текста Послания вновь перечислены грамоты трех авторов — Геронтия, Вассиана и игумена Паисия, как принятые великим князем, воодушевившие его и решившие исход дела. Почему происходит колебание между Прохором и Паисием? Куда исчезла грамота Паисия? Была ли она вообще? Все это полезно иметь в виду, чтобы осознавать хрупкость гипотез о центрах летописания, основанных на выявлении точек зрения и привязанностей. Может быть, Прохор Сарский в какой-то момент имел доступ к этой летописной работе и приказал повставлять свое имя, но в момент включения в статью Послания на Угру этот приказ не действовал.

Таким образом, остается вероятной и даже находит некоторые подтверждения гипотеза о возникновении Вассианова Послания вместе с версией рассказа о событиях 1480 г., вошедшей в Музейный сборник и в Вологодско-Пермскую летопись, в Москве, даже в Кремле, но не в митрополичьих палатах. Это могла быть среда, в которой велось великокняжеское летописание в период благополучия палеологовской партии в 70-е гг.; в 80-е эта партия уже не имела возможности высказываться в Москве. Этот круг книжности был вытеснен из Москвы и вышел на поверхность истории в свидетельствах из Вологодско-Пермской епископии в момент победы Софии Палеолог и ее сына Василия Ивановича. И в 70-е, и в 80-е, и в 90-е гг. эта среда находилась в живых контактах с книжностью Кирилло-Белозерского монастыря, с теми самыми высокими «новоначальными чернцами» и «прихождими чмутами», которых так ненавидел исторический Вассиан Рыло.⁶² В 80-е гг. этот круг имел контакты с

⁶² Так их определяет Типографская летопись: «новоначальныхъ черньцовъ и от прихождихъ чмутов» (ПСРЛ. Т. 24. С. 197).

Геннадием, который использовался, видимо, в основном для оказания косвенного идеологического влияния в Москве при потере возможностей прямого воздействия.

Возвращаясь к рассказу Вологодско-Пермской летописи о людях, слушающих звон на площади в Кремле перед приходом Ахмата, обратим внимание на Федора, благовещенского попа.

О Федоре, протопопе Благовещенского собора, у нас есть еще одно сведение.⁶³ Заметка к переводу Прения Афанасия Александрийского с Арием, сохранившаяся в нескольких рукописях⁶⁴ XVII в., сообщает, что этот текст переводил вместе Мануилом Дмитриевичем и Федор, протопоп Благовещенского собора. Речь идет о соратнике Софьи Траханиоте. Как указывает рассматривающий эту заметку Томсон, Траханиот не мог быть Мануилом, ибо Мануил, крупный деятель Ферраро-Флорентийского собора, не бывал на Руси; туда в свите Софьи Палеолог приехали его сыновья Дмитрий и Юрий. Томсон полагает, что речь идет о Дмитрие Мануиловиче, но скорее — о Юрии, за которым значится и другая переводческая работа.⁶⁵ Д. М. Буланин считает, что это мог быть по другим источникам неизвестный сын Дмитрия Траханиота.⁶⁶ Таким образом, Траханиот, вероятно тот, что привез речи посла цесарского, вошедшие в Музейный сборник, сотрудничал с Федором Благовещенским в некоем книжном центре, возможно, при Благовещенском соборе — личной семейной великокняжеской церкви. В заметке в рукописи XVII в. указывается, что текст «Прения» был принесен великому князю из Рима и перевод делался с римского языка по требованию великого князя. Седельников отмечает, что «текст обнаруживает католическую тенденцию в области принципа *Filioque*».⁶⁷ С легкой руки Седельникова деятельность семейства Траханиотов связывается с геннадиевским кружком и с Новгородом. Не отрицая связи Траханиотов с Геннадием, все-таки естественнее полагать, что основным местом деятельности этих крупнейших дипломатов и придворных была Москва, великокняжеский двор.

⁶³ Буланин Д. М. Феодор (2-я пол. XV в.) // *Словарь книжников*. Вып. 2, ч. 2. С. 452—453. Д. М. Буланин разбирает оба известия о Федоре — летописное (по поздним — Воскресенской и Никоновской летописям) и заметку XVII в. о переводе. Д. М. Буланин ссылается на немногочисленные исследования: Марков А. Переводчик, благовещенский протопоп Феодор: (Библиографическая справка) // *ИОРЯС*. 1912. Т. 17, кн. 3. С. 223—226; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 199—200; *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 33—35:

⁶⁴ Заглавие памятника в тех списках, где он присоединяется к Катехизису Лаврентия Зизания (ГИМ, собр. Уварова, № 51; РНБ, собр. Титова, № 2806): «Блаженнаго Афанасия Прѣние со Ариемъ еретикомъ. Преведесе со греческаго на римскій языкъ неким мудрымъ философомъ, и отъ Рима принесену тому въ Русскую землю къ великому князю Ивану Васильевичу... Он же, благочестивый государь, повелѣе перевести на русскій языкъ Мануилу Гречину Дмитриеву сыну Аморѣанину, иже придоша съ царевною изъ Рима. А переводилъ съ Благовещенскимъ протопопомъ Феодоромъ» (Цит. по: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... С. 199—200. А. И. Соболевский отмечает сербские элементы в переводе).

⁶⁵ The Corpus of Slavonic Translations Available in Muscovy Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages / Ed. V. Gasparov, O. Raevsky-Hughes // *Californian Slavic Studies*. 1993. Vol. 16. P.186, 206. Юриев было два — сын Дмитрия и брат Дмитрия. См. статьи о них Д. М. Буланина: *Словарь книжников*. Вып. 2, ч. 2. С. 437—439.

⁶⁶ Буланин Д. М. Мануил Дмитриевич // *Словарь книжников*. Вып. 2, ч. 2. С. 100.

⁶⁷ Седельников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI века // *Доклады АН СССР*. Сер. В. 1929. № 1. С. 17.

Траханиоты появляются в известиях русского летописания в связи с переговорами, начатыми по инициативе Виссариона, о браке великого князя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог. Затем их имена возникают снова и снова, в основном в связи с крупными русскими дипломатическими миссиями на Запад, в Италию и в Империю. Известия продолжают, вовлекая имя еще одного Траханиота — Юрия, Дмитриева сына, которого не всегда легко в контексте русских документов отличить от Юрия дяди. Эти упоминания исчезают в 20-е гг. XVI в., к тому времени, когда Юрий Траханиот младший, успевший занять влиятельное положение при дворе Василия Ивановича, попытался выдать замуж за великого князя свою дочь. Юрий на этом последнем этапе своей деятельности дал информацию о русской жизни и придворных делах знаменитому Герберштейну. Ссылки на него, как и сообщение о неудаче брачного проекта, сохранились в записках Герберштейна.⁶⁸

Отец попавших на Русь Тарханиотов — Мануил Тарханиот Буллот — входил в состав греческой делегации на Ферраро-Флорентийском соборе и вместе с Виссарионом подписал унию. Дальнейшая деятельность семьи Тарханиотов (Траханиотов в русской традиции) была связана с Виссарионом. Зная греко-итальянскую верность семейным принципам, не приходится сомневаться в том, что дети Мануила оставались до конца верны унии и идеям Виссариона. Тарханиоты жили после собора в разъездах между Константинополем и Италией и были объединены стремлением бороться за спасение и восстановление Византии, жадной поднять европейцев в крестовый поход. Дальний родственник Тарханиотов — Микеле Марулло Тарханиот, родившийся в Константинополе в 1453 г., ставший в Италии известным латинским поэтом, до конца своей жизни (умер в 1500 г.) оплакивал в стихах византийскую столицу и мечтал о крестовом походе.

Переведенное Тарханиотом и Федором Прение Афанасия Александрийского против Ария упомянуто в исследовании Седельникова как текст подложный, содержащий *Filioque* в символе веры.⁶⁹ Седельников думал развивать на основании факта этого перевода тезис о католическом влиянии в Новгороде. Но представляется более логичным предполагать здесь попытку скрытого униатского влияния, осуществленную в Москве Тарханиотами. Это произведение псевдо-Афанасия использовалось на Ферраро-Флорентийском соборе католической стороной в спорах о догмате Троицы для доказательства того, что восточные отцы Церкви не отрицали возможности дополнять, комментируя, никейский Символ веры. Католики находили в Прении некоторую тенденцию мысли, которая в принципе, как они считали, могла вести в сторону идеи об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына.⁷⁰ Прение псевдо-Афанасия не является фальшивкой, это сложный и серьезный богословский текст по сложнейшим вопросам Троичного догмата, имевший долгую тради-

⁶⁸ Приведенные сведения о деятельности Тарханиотов в России собраны в кн.: *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины—начала XVI в. *Фопкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977; статьи Д.М.Буланнина в «Словаре книжников» о Дмитриии, его брате Юрии и его сыне, тоже Юрии, Траханиотах.

⁶⁹ *Седельников А. Д.* Очерки католического влияния... С. 17

⁷⁰ Текст Прения псевдо-Афанасия Александрийского с Арием (PG. 1857. Т. 28. Col. 439—502) не раз цитировался согласно протоколам на заседаниях собора (*Gill J.* Il concilio di Firenze. Firenze, 1967. P. 239—240, 259).

цию бытования. Прение существовало и на латыни, и на греческом и на соборе озвучивалось, очевидно, на обоих языках.⁷¹ В русской традиции Прение Афанасия с Арием, хорошо и ясно переведенное, пользовалось в дальнейшем авторитетом.⁷²

В известном письме Геннадия Иоасафу Ростовскому о библиотеке еретиков автор спрашивает, есть ли в Кириллове монастыре «Селивестр папа Римскы да Афанасей Александрейскы» «зане же те книги у еретиков все есть».⁷³ А. Д. Седельниковым выяснено, что в сферу деятельности геннадиевского кружка с конца 80-х гг. вовлекаются списки произведения Афанасия Александрийского — но это не Прение псевдо-Афанасия, а Слово против ариан и Слово о празднике Пасхи. По заданию Геннадия его помощники подготовили такой список для Кириллова монастыря.⁷⁴ Не исключено, однако, что беспокойные вести о некоем сочинении Афанасия, донесшиеся до Геннадия, зародились как раз в связи с рассмотренным выше Прением. Геннадий чувствовал присутствие чего-то опасного и в Новгороде, и в Москве, в непосредственной близости от великого князя. Судя по письму, его угнетало и пугало обилие в сомнительных кругах сложной богословской литературы и книг Священного Писания, с которыми ему, Геннадию, прежде не приходилось иметь дела. Список Геннадия в этом письме вообще весьма странен и создает у исследователей ереси массу проблем. Здесь упоминаются безусловно православные, исключительно авторитетные произведения, например Дионисий Ареопагит и библейские книги: «да Пророчества, да Бытия, да Царьства, да Притчи, да Менандр, да Исус Сирахов».⁷⁵ Состав библейских книг, здесь упомянутых, подозрительно напоминает свод библейских книг в сборнике Ивана Черного РГБ, собр. Ундольского, № 1. В первой половине сборника находятся Восьмикнижие, четыре книги Царств, Есфирь, Песнь песней, Притчи, фрагменты из Книги Премудрости Соломоновой. Сборник продолжал пополняться и тогда, когда Ивана Черного уже не было на Руси. По-видимому, к позднейшим пополнениям нужно отнести еще одну версию Песни песней — без толкований и Апокалипсис без толкований, помещенные рядом. Такого масштаба библеистическая работа вне традиции толковой Библии вряд ли где велась тогда помимо той таинственной мастерской, в которой в 80-е гг. работал Иван Черный.

О том, связана ли русская работа второй половины XV в. над собиранием библейских книг с какими-либо внешними (обычно понимается — католическими) влияниями, русская библеистика вела и продолжает вести споры. В ходе дискуссий мнения перемещаются между двумя полюсами: между представлением, что первый полный библейский свод — Геннадиевский — создавался в силу внутренней естественной потребности русского религиозного и культурного развития, и противоположным первым мнением о внешней ка-

⁷¹ Наиболее ранний из сохранившихся список перевода — в сборнике РГБ, собрания Троице-Сергиевой лавры № 178, Феодора Студийского поучения. Прение следует после произведений Феодора Студита с л. 412. Текст, требующий изучения во многих отношениях, доступен сейчас в электронной версии.

⁷² Включено в ВМЧ под 18 января (*Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси... С. 199—200).

⁷³ *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 320.

⁷⁴ Там же. С. 138—140.

⁷⁵ Там же.

толической обусловленности гennaдиевского свода.⁷⁶ Ко второму полюсу приближались некоторые выводы Н. Е. Евсеева. А. А. Алексеев склоняется к версии автономного развития. Не погружаясь в этот спор, воспользуемся, однако, некоторыми его материалами не для малодостижимой цели прояснить общие потоки влияний, а для обрисовки одиночных интересов и вероятных шагов отдельных лиц. Параллельно действиям мастерской Ивана Черного в Москве кардинал Римской церкви и патриарх Никейский Виссарион заказывает в Венеции два полных кодекса греческой Библии.⁷⁷ Конечно, работа над сводами библейских книг в Венеции и в Москве не может быть отнесена за счет католических стимулов, возможно, и там, и здесь она вызывалась к жизни стремлением Виссариона и его помощников спасти, укрепляя, корабль православия. Кроме того, в сборнике Унд. 1, кажется впервые в русской традиции, появляются Песнь песней и Апокалипсис, специально освобожденные от традиционных толкований, что открывало их для нового понимания и для влияния как поздневизантийской, так и в особенности католической мысли XV в., для которой эти два текста стали центральными, определяющими.

Работа над сборником Унд. 1 продолжалась и в 90-е гг. На некотором, не раннем, этапе туда был внесен текст исключительного значения — «Константинов дар». Текст «Дара» именно по этому сборнику был опубликован А. С. Павловым в доньине не устаревшей работе «Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе».⁷⁸ «Константинов Дар» — древняя латинская подделка акта, регламентирующего соотношение светской императорской власти и власти римского понтифика. «Дар» имел большую и сложную историю бытования как в греческой, так и в латинской версиях и в XV в. проявился в славянской традиции. Перевод, изданный Павловым, носит явные следы южнославянского происхождения. Ф. Томсон на основании, очевидно, того факта, что южнославянские царства погибли или крайне ослабели в конце XIV в., относит время перевода ко второй половине XIV в., недооценивая, однако, вероятность перевода, сделанного руками славянина, но не ради целей и интересов южнославянской государственности. Хотя «Константинов дар» был хорошо адаптирован в византийском мире, но не в том полном виде, в каком мы находим его в библейском сборнике Унд. 1. Для оригинала этой версии исследователи не исключают возможности итало-греческого происхождения.⁷⁹

⁷⁶ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. Здесь на с. 195—201 даны и некоторые отсылки к исследованиям противоположного направления, прежде всего И. Е. Евсеева: Евсеев И. Е. 1) Гennaдиевская Библия 1499 г. М., 1914; 2) Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.

⁷⁷ Ишюкентий (Павлов). Славянская традиция Священного Писания и Острожская Библия // Острожская Библия. М., 1990. С. 17—47.

⁷⁸ Павлов А. Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // Византийский временник. СПб., 1896. Вып. 1—3. С. 18—82. Новейшая работа с богатой библиографией: Thomson F. The Intellectual Difference between Muscovy and Ruthenia in the Seventeenth Century: The case of Slavonic Translations and the Reception of the Pseudo-Constantinian Constitute (Donatio Constantini) // Slavica Gandensia. 1995. № 22. P. 63—107.

⁷⁹ Томсон в этом вопросе готов поддержать мнение Павлова (Thomson F. The Intellectual Difference... P. 67).

В русской книжности старшая редакция перевода появляется в сборнике, датированном Седельниковым 1435—1440 гг., а начальный фрагмент младшей редакции, той, что помещена в сборнике Ивана Черного, находится в Канонике 1457 г.⁸⁰ Рассматривая вопрос о месте «Константинова Дара» в русской книжности второй половины XV в., необходимо принять во внимание следующее: «Константинов Дар» был привлечен на Ферраро-Флорентийском соборе. Он был прочитан католиками на заседании, посвященном обсуждению сущности папской власти, примата папы.⁸¹ В славянском переводе версия Унд. 1 имеет некоторые поправки, приспособляющие «Дар» к интересам Константинополя: Константинопольский патриархат поставлен на первую позицию в ряду других, и в конце помещено наставление властителю о том, как строить отношения со священством в византийском духе.⁸² Не исключено, что появление в библейском сборнике полного «Константинова дара» является попыткой укрепить церковное предание русской традиции этой колонной Ферраро-Флорентийской истины, что выдает систему ценностей, которой в России из установленных лиц могли придерживаться Тарханиоты и их ближайшее окружение. «Константинов дар» в конце XV в. пользовался большим авторитетом в геннадиевском кружке, но попал туда не через рассматриваемые переводы, а другими путями, через латинскую традицию,⁸³ не остался текст без внимания в Москве и позже.⁸⁴

Итак, есть довольно значительные следы существования в Москве группы, работавшей для великого князя, или, иначе говоря, стремившейся оказывать влияние на великого князя в определенном духе, не католическом, но и не полностью православном, с идеей о необходимости спасти православие, сближая его с Римом, с намерением снабжать великого князя богословскими книгами соответствующего профиля, собирать ветхозаветные — прежде всего исторические — книги, служить византийскому наследству. Таков был в Италии дух Виссариона, и к тому же должны были стремиться его эмиссары Тарханиоты в Москве. С Тарханиотами сотрудничал Федор, протопоп Благовещенского собора — весьма влиятельная фигура интересующего нас периода. Д. М. Буландин дополняет круг сведений о Федоре интересным для нас сообщением в рассказе о смерти Пафнутия Боровского (1477). Здесь сказано, что к одру умиравшего приходил от великого князя Федор, благовещенский протопоп, а от великой княгини-«грекини» Юрий грек, т. е. Тарханиот.⁸⁵ Весьма вероятно, что мастерская Ивана Черного была связана с этим кругом. С Новгородом, с Геннадием у этой группы имелись интенсивные связи, шел обмен текстами, но новгородский геннадиевский кружок, хотя и в нем появлялись время от времени Тарханиоты, не разделял интересов московского придворного круга и даже не имел о них ясного представления. Седельников считал, что Геннадий действо-

⁸⁰ ГИМ, Музейское собр., № 1009 — «Константинов Дар» старшей редакции по Седельникову: *Седельников А. Д.* К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // *Известия ОРЯС.* 1926. Т. 30. С. 206—225.

⁸¹ *Gill J.* Il concilio di Firenze. P. 334—335.

⁸² *Павлов А.* Подложная дарственная грамота Константина. С. 39.

⁸³ *Седельников А. Д.* К изучению «Слова кратка». С. 207—208.

⁸⁴ Об этом издан целый ряд исследований, из новейших укажем работу А. И. Плигузова. *Русский феодальный архив: XV—перв. треть XVI века.* М., 1988. Вып. 4. С. 814—836 и 784—794.

⁸⁵ *Буландин Д. М.* Феодор (2-я пол. XV в.); там же ссылка на Рассказ о смерти Пафнутия Боровского (ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 502).

вал в единстве с Тарханиотами на стороне Софьи Палеолог в борьбе против партии Елены Волошанки и Федора Курицына, но, видимо, такая «двухпартийная» картина является упрощенной. «Палеологовская» партия имела контакты с Геннадием и старалась влиять на деятельность Геннадиевского кружка. Возможно, что она в своих целях подогревала в Геннадии пыл борьбы против еретиков. Вспомним, что обвинения в ереси были направлены на враждебную в борьбе за власть и престолонаследие партию Елены Волошанки. О намерении влиять на антиеретическую кампанию свидетельствует сообщение Геннадию Тарханиотом сведений о борьбе с ересью в Испании. Текст этого сообщения «Речи посла цесарева», известный нам по Музейному сборнику, свидетельствует о желании подчеркнуть решающую роль римского папы в борьбе за чистоту веры.⁸⁶ То, что Геннадий не сохранял для «палеологовской» партии большого значения, видно по тому, как она обошлась с ним после своей победы 1499 г., допустив его провал и падение. Местом ожидания победы была Вологодско-Пермская епископия и примыкавший к ней Кирилло-Белозерский монастырь, в этой области в 1499 г. вышли на поверхность документы, ждавшие своего часа, — великокняжеское летописание в версии до конфликта Ивана Третьего с Софьей, рассказ о событиях на Угре, не содержащий обвинений против Софьи и Послание Вассиана или псевдо-Вассиана.

«Послание на Угру» в связи с Посланием восточных патриархов императору Феофилу

В свое время И. П. Еремин нашел важный подход к Посланию, рассмотрев его в рамках своих исследований литературы торжественного панегирического характера. Исследователь обратил внимание на особую риторическую модальность текста, который не прославляет властителя, а наставляет его, диктует ему принципы, пока еще не освоенные этим властителем: «Из числа московских публицистов первым, кто нашел в себе мужество выступить в защиту не личности великого князя, а тех принципов, которые он призван был воплощать, был архиепископ Ростовский Вассиан, по прозвищу „Рыло“, автор послания великому князю Ивану III».⁸⁷ Подчеркнем вновь важную для нас здесь идею, близкую к интерпретации Чернявского и Гальперина: Послание не описывает реальную ситуацию и не восхваляет реального властителя, оно предлагает образ идеальной власти, далекий от представлений русского общества второй половины XV в. Оно не «отражает» что-то так или иначе существующее в идейной реальности Руси того времени, а предлагает для усвоения нечто небывалое — образ имперского всемирного могущества.

Автор «Послания на Угру» обращается к Ивану Васильевичу как носителю всемирной власти: «Богом венчанному, и Богом утверженному, и во благочестии всея вселенныя конци возсиявше, но и паче же во цартех пресвѣтлеишему...».⁸⁸ Послание как бы врывается извне и навязывает свои установки, которые принимаются русскими летописями не без смятения. Например, в Воскре-

⁸⁶ См. публикацию: *Седельников А. Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции. С. 49—50.

⁸⁷ *Еремин И. П.* Послание на Угру Вассиана Рыло // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 302—304.

⁸⁸ Здесь цитируем текст Послания по С2Л: ПСРЛ Т. 6, вып. 2. Стб. 294.

сенской летописи в большинстве списков исключена из вводного обращения формула, имевшаяся в исходном тексте: «но и паче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшему».⁸⁹

Послание в начале формулирует свою высокую задачу — это речь к великому князю его «ради спасения» (ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 294), автор собирает «от Божественаго Писания, елико Богъ вразумит мя, на крѣпость и утверждение твое и державѣ» (Там же. С. 295). И действительно, послание именно утверждает державу нового Московского государства, создает ее образ. Царский титул, как показали многие исследования, усваивался русскими князьями с древности, а в XV в. имел уже широкое хождение. Но Послание кажется первым случаем приписывания великому князю всемирной власти и ответственности за судьбу всего православного мира. Особенно важна в этом смысле завершающая часть — высокаторжественный аккорд в пророческом тоне, насыщенный библейскими цитатами, поднимающий власть правителя на библейскую высоту: «Тѣмъ же и пророчески рещи, Богомъ утвержденый царю, на прязи и спѣй, и царствуй истинны ради, и кротости, и правды наставит тя чюдне десница твоя. Престоль вои правдою и кротостию суд истинным свершен есть, и жезль силы послет ти Господь от Сиона, и удовлѣши посреди враг твоих. Тако глаголетъ Господь: „Азь въздвигохъ тя, царя правды, призвахъ тя правдою и прияхъ тя за руку десную, и укрепихъ тя, да послушаютъ тебя языци, и крепость царем разрушу, отворю ти двери, и гради не затворятся. Азь предъ тобою поиду, и горы поравнаю, и двери мѣденыя съкрушу, и затворы желѣзныя сломя“. Се твердое и честное, и крѣпкое царство да дасть ти Господь Богъ в руцѣ твои, Богомъ утвержденый владыка, и сыномъ сыновъ твоихъ в род и род в вѣкы» (ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. С. 305).

Этот образ божественной власти явился в Послании не из реальности русской интеллектуальной жизни и не прямо из Библии, что тоже означало бы общественно важный идейный выбор, а из посторонней словесной традиции. Это заимствование из славянской версии Послания восточных патриархов византийскому императору Феофилу.

Послание патриархов — древнее произведение греческой патристики, датируемое IX столетием.⁹⁰

Славянская версия Послания патриархов известна в немногих списках XV и XVI вв. и в печатной версии XVII в.⁹¹ с названием Многосложное послание или Многосложный свиток.

⁸⁹ ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С. 207.

⁹⁰ Первое научное издание текста, который считается основной версией послания, подготовленное по двум греческим рукописям Patmos n. 48 IX, Patmos n.179 XII: Duchesne L. L'icographie byzantin dans un document grec du IXe siècle // Roma e l'Oriente. N 5. 1912—1913. Греческий текст был сопровожден итальянским переводом. Здесь пользуемся текстом в этом переводе. Традиция Послания патриархов подробно исследована в диссертации: Gauer H. Texte zum byzantinischen Bilderstreit. Der Synodalbrief der drei Patriarchen des Ostens von 836 und seine Verwandlung in sieben Jahrhunderten. Frankfurt a./M.; Berlin; Wien, 1994. Гауер издал греческий текст параллельно с немецким переводом. Новейшее издание с английским переводом и с обзором рукописей, незначительно дополняющим Гауера: The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus and related Texts / J. A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, Ch. Dendrinou. Camberley, 1997.

⁹¹ Книга слова избранныя святыхъ отецъ о поклонении и о чести святыхъ иконъ. М., 1642. Л. 156—231; Сборник М., 1647. Л. 369 об.—392.

Ранние сохранившиеся славянские списки Послания патриархов связаны в основном с Кирилло-Белозерским монастырем. Первый из них по времени — РНБ, Кирилло-Белозерское собрание (далее — Кир.-Бел.), № 53/1130 — принадлежит к числу сборников Ефросина, книжника Кирилло-Белозерского монастыря.⁹² Многосложное послание переписано не Ефросиновой рукой и не привлекает особого внимания исследователей его наследия.⁹³ Хотя в другом сборнике и Ефросин переписал фрагмент славянского Послания патриархов.⁹⁴ Основную работу над обоими сборниками исследователи датируют 70-ми гг. XV в.⁹⁵ Ефросин называет произведение Многосложным свитком, а переписчик сборника Кир.-Бел., № 53/1130 — Многосложным посланием, значит, в монастыре имелись уже к тому времени две традиции именования славянского Послания патриархов. В обоих случаях оно представлено как чтение на Торжество православия, как оно и использовалось в поздней византийской традиции. Кирилло-Белозерский список представляет собой довольно автоматически сделанную копию. Видно, что Ефросин поручил эту работу второстепенному писцу. Но на полях этого списка на некоторых страницах помещены греческие имена, которые выделяют именно тот фрагмент, к которому обратился Ефросин в другом своем сборнике (Уваровском).⁹⁶

Второй по времени список — в сборнике «Книга Рай»,⁹⁷ который восходит к не выявленному пока Кирилло-Белозерскому сборнику с этим же названием, такому же своду проповедей великопостного периода. В сборнике видна рука русских, по-видимому, книжников, позаботившихся о включении в него произведений Григория Цамблака.⁹⁸ Значит «Рай» формировался или дополнялся

⁹² Многосложное послание занимает в сборнике л. 356—387. Эти листы по водяным знакам датированы составителями описания 1475 г. Вообще же, бумага сборника разнообразна, принадлежит периодам от середины до конца 15 столетия (*Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV века книгописца Ефросина. С. 3—300). Интересующая нас рукопись описана М. В. Рождественской (С. 196—215).

⁹³ Этим же почерком написано и предшествующее Многосложному посланию Покаяние Киприаново. Это пространная версия Покаяния, которую в другом случае сам Ефросин переписывал в сокращенном варианте (Сборник Кир.-Бел., № 6/1083, л. 155 об.—162).

⁹⁴ «От свитка многосложного...» (ГИМ, собр. Уварова № 338(894), л. 349—351 об.). Описание: *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV века книгописца Ефросина. С. 232.

⁹⁵ *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897. № XXII (ОЛДП; Вып. 113); *Дмитриева Р. П.* Четыре сборники XV века как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 163 и др.; *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV века книгописца Ефросина. С. 198, 215.

⁹⁶ Кир.-Бел., № 53/1130, л. 375 об.: на поле смешанными греческими и кириллическими буквами написаны имена Константина и Ирины. Текст в этом месте соответствует завершающей части выписки, сделанной Ефросином (*Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV века книгописца Ефросина. С. 232).

⁹⁷ ИРЛИ, Древлехранилище, кол. Величко, № 1. Описание сборника и публикация вводной части см.: *Бегунов Ю. К.* Григорий Цамблак и Кирилло-Белозерский старец Ефросин: (Из истории молдово-русских литературных связей XV века) // Бегунов Ю. К. Творческое наследие Григория Цамблака. Женева; Велико Тырново, 2005. С. 350—357. Рай — подвид Торжественника, почти не изученный. Начало исследованиям положил А. Д. Седельников работой: *Седельников А. Д.* «Рай» — особый вид Златоустника // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 95—99. О «Рае» см.: *Черторицкая Т. В.* Рай // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 307—308.

⁹⁸ 5 слов Цамблака в русской, а не молдавской традиции: *Бегунов Ю. К.* Григорий Цамблак и Кирилло-Белозерский старец Ефросин. С. 346.

новыми сочинениями между Троице-Сергиевым (к которому восходит русская традиция Цамблака) и Кирилловым монастырем. В начале (л. 1) указано, что книга эта — список с изящной книги письма кирилловых мудрых старцев Амфилохия, Корнилия и Иасафа.⁹⁹ Далее следует некое указание, зашифрованное греческими словами в славянской транслитерации: «и писано в писмѣ и(х), апостроф. камора....» и так далее.¹⁰⁰ Смысл мне непонятен, но вероятно, не будет ошибочным рассматривать эту запись как знак какого-то греческого присутствия при работе над кирилловский «изящной книгой». Эти знаки греческого присутствия при списках славянского Послания патриархов в Кирилло-Белозерском монастыре позволяют с осторожностью предположить, что перевод делался именно там и приблизительно в 1470-е гг. (соответственно датировке списка Кир.-Бел. 53/1130).

Третий по времени известный список — рукопись РНБ, Софийского собрания, № 1444 — сборник патристический, первой половины XVI в., судя по составу, тоже связанный с Кирилло-Белозерским монастырем. Здесь использовано название «Многосложный свиток».

Текст Многосложного послания (Кир.-Бел., № 53/1130) почти идентичен тексту в «Книге Рай»; оба списка, очевидно, восходят к книге трех старцев. Многосложное послание имеет небольшие расхождения с Многосложным свитком (Соф. 1444), присутствующие, впрочем, постоянно, от первого до последнего листа (несколько различается иногда порядок слов, вставлено или, наоборот, отсутствует какое-нибудь слово — но не ключевое, а второстепенного, служебного характера). Характер разночтений показывает, что между имеющимися списками нет прямой связи. (Для иллюстрации соотношения между списками несколько фрагментов по трем рукописям представлены в таблице в Приложении.)

Поразительная черта славянского Послания патриархов — его чрезвычайно сильное расхождение во многих местах с основным известным в науке греческим текстом Послания патриархов. Центральная часть текста Послания патриархов в славянской версии весьма сильно расходится с оригиналом, она включает источники по истории иконоборческого периода.¹⁰¹ По моим наблюдениям, в славянский перевод Послания патриархов интерполирован довольно

⁹⁹ ИРЛИ, Древлехранилище, кол. Величко, № 1. См.: *Бегунов Ю. К.* Григорий Цамблук и Кирилло-Белозерский старец Ефросин. С. 350—357.

¹⁰⁰ Там же. С. 351.

¹⁰¹ Этот факт был недавно принят во внимание Д. Е. Афиногеновым, который положил его в основание большого исследовательского проекта, предполагающего изучение как греческой, так и славянской версий. Исследователь считает, что славянская версия послания патриархов, отличающаяся от всех известных редакций и версий, следует его древней несохранившейся ранней греческой версии. Афиногенов ставит перед собой смелую задачу реконструировать эту версию на основании славянского текста с привлечением других источников иконоборческого периода. Решение этой задачи кажется маловероятным: пока нет критического издания славянского текста по основным спискам и пока не сделаны попытки выяснить происхождение интерполяций в славянском переводе, оставаясь внутри самой славянской традиции. Афиногенов обещает издание славянского текста, но без большой уверенности. На этом этапе исследований он пользуется, как кажется, в основном печатным изданием XVII в. (*Афиногенов Д. Е.* Новые данные об источниках «Послания трех восточных патриархов императору Феофилу» // *Византийские очерки: Труды российских ученых XX Международному конгрессу византинистов.* СПб., 2006. С. 19—29). Здесь же указаны другие работы автора на эту тему и очерчены задачи реконструкции и нового издания Послания патриархов.

значительный по объему фрагмент из славянского же перевода «Сказания об иконе Римлянина». Здесь так точно передан именно славянский текст «Сказания о Римлянина», что факт интерполяции на славянской почве не может вызвать сомнения.¹⁰² В том, что касается истории чудотворных икон, текст «Сказания» произведен от Послания патриархов, расширяет и развивает его сведения. Переводчик установил эту связь и воспользовался ею, тем самым сэкономив переводческие усилия.

Нас здесь будет занимать преимущественно вводная часть Послания патриархов, именно оттуда делались заимствования в «Послание на Угру». В этой вводной части славянский текст сохраняет непосредственную связь с оригиналом, хотя некоторые фрагменты переставлены, кое-что сокращено, кое-что добавлено. Нельзя полностью исключить, что переводчик имел под рукой уже отредактированную греческую версию вступительной части, хотя, как увидим, некоторые особенности текста наводят на мысль, что перевод был связан с переделкой.

Наличие цитат из Послания патриархов несколько расширяет наши возможности наблюдения над соотношениями между сохранившимися ранними списками интересующих нас текстов. Можно сопоставить тексты Послания на Угру по Вологодско-Пермской летописи, по Музейному списку, по С2Л с аналогичными текстами трех списков славянского Послания патриархов (см. таблицу в Приложении). Мелкие разночтения нельзя принимать во внимание, в особенности потому, что для Вассианова Послания мы пользуемся печатными версиями, издатели которых следовали самым разнообразным принципам воспроизведения текстов. Цитаты, восходящие к Писанию (а их много почти во всех рассматриваемых фрагментах) приходится учитывать с осторожностью, потому что в этом случае ситуация осложняется присутствием в памяти писцов библейского текста. Значимых разночтений в рассматриваемых списках мало, но, опираясь на них, все-таки можно предположить, что, во-первых, текст славянского Послания патриархов цитировался в Послании на Угру по списку более близкому к Кирилло-Белозерскому и к «Раю», чем к Софийскому,¹⁰³ но не непосредственно по Кир.-Бел., № 53/1130.¹⁰⁴ Текст Вассианова Послания, вошедший в Вологодско-Пермскую летопись, представляет собой боковое ответвление в традиции, он никак не первичен по отношению к Музейному.¹⁰⁵ Текст по Музейному списку тоже имеет особое чтение.¹⁰⁶ Из трех рассмотренных чуть большую близость к источнику — к славянскому Посланию патриархов — демонстрирует

¹⁰² Большой фрагмент из проповеди о Римлянина помещен после введения, в части, посвященной первым иконам, их происхождению и чудесам от них. По списку Соф. 1444. текст на листах 11—13 соответствуют тексту: *Kulakowski S. Legenda o obrazie Matki Boskiej Rzimskiej w literaturze staroruskiej. Warszawa, 1926. С. 50—52.*

¹⁰³ Соф. 1444: «богоутверженный», остальные — «Богом утверженный».

¹⁰⁴ Кир.-Бел., № 53/1130 имеет ошибки, например: «правою» вместо «правдою». Довольно грубую ошибку содержит и список Соф. 1444: «и агел Господень буди помагаай», вместо «поганая их» — как во всех других случаях и в Послании на Угру, и в славянском Послании патриархов.

¹⁰⁵ Вологодско-Пермская летопись: «речи»; остальные более правильно: «рещи»; «моления» вместо «молония»; особое чтение: «правдою твоею», во всех остальных только «правдою». Лондонский список представляет собой еще более периферийное явление: здесь чтение «вѣре» вместо «державе», как во всех остальных.

¹⁰⁶ «Государю» там, где во всех остальных «владыко».

версия С2Л, т. е. свода 1518 г.¹⁰⁷ Вологодско-Пермская летопись и Музейный список отличаются от него несколькими общими чтениями, удаляющими их от славянского Послания патриархов. Из таблицы в Приложении можно извлечь вывод о большей близости протографа С2Л к моменту составления Послания на Угру, когда в него вводились части из Многосложного послания. Довольно очевидным кажется, что в дело был вовлечен Кирилло-Белозерский монастырь, поскольку «Рай» трех кирилловских старцев предшествовал списку в сборнике Ефросина, а этот последний сам принадлежит времени рубежа 70—80-х гг., так что для какой-нибудь еще более ранней традиции не остается времени. Но все эти заключения остаются зыбкими и смогут быть проверены лишь после открытия новых списков Многосложного послания и научного издания Послания на Угру. Наша основная задача здесь заключается в ином.

Детальное сопоставление общих фрагментов Послания на Угру и славянского Послания патриархов — Многосложного послания/свитка и выяснение позиции этих фрагментов в греческом оригинале позволяют выявить совершенно неожиданную ситуацию: перевод Послания патриархов и работа над неким посланием великому князю, которое потом стало известно как Послание на Угру, происходили одновременно и, очевидно, преследовали общие цели.

Приведем сопоставления, для удобства разместив в таблицах вовлеченные в этот процесс фрагменты. Послание на Угру цитирует Многосложный свиток не подряд, а выборочно, с перестановками. Для удобства делим материал на три фрагмента и размещаем соответственно в трех таблицах. В третьем столбце таблиц помещаем комментарий о соотношениях между текстами Многосложного свитка (МС), греческого Послания патриархов (ПП) по изданию Дюшена, и Послания на Угру (ПнаУ).¹⁰⁸

Т а б л и ц а 1

Послание на Угру С2Л. Стб. 305	Многосложный свиток Соф. 1444, л. 5—5 об.	Комментарии о соотношении с греческим оригиналом по изданию Дюшена и о соотношениях между МС и ПнаУ
1. Тѣм же и пророчески рещи, Богомъ утверженыи царю	(Л.5) Тѣм же и пророчески рещи, <i>бгоутверженныи</i> владыко	Дюшен. С. 232 № 1, 2, 3, 4, цитируется Пс. 44 : 5, 7, 8, в славянском тексте соответствует славянской традиции. Здесь Пс. 44 : 5
2. Напрязи, и спѣй, и царствуй истинны ради и кротости, и правды.	Напрязи, спѣй и царствуй и истинны ради, кротости и правды.	Дюшен. С. 232 Пс. 44 : 5

¹⁰⁷ На основании чтения «и да одолѣшь *среди* ратных», здесь сохранено единственное число обращения к владыке, в отличие от Музейного списка и Вологодско-Пермской летописи, где весь период переведен во множественное число «и да одолѣте *среди* ратных», или «да разсыплются *поганья, хотящаа* брани», в С2Л ближе к Посланию патриархов: «и да раздрушатся языци хотящии бранем», чем чтение: «да разсыплются поганья страны, хотящая брани», общее для Музейного списка и Вологодско-Пермской летописи.

¹⁰⁸ Послание на Угру приводим по версии свода, отраженного в С2Л (Стб. 294—306). Многосложное послание цит. по рук. Соф. 1444, здесь — л. 4—6. Текст оригинальной версии Послания патриархов рассматриваем по публикации Л. Дюшена, опираясь на его параллельный итальянский перевод, учитываем и новейшее издание — с параллельным английским переводом (The Letter...).

Послание на Угру СЗЛ. Стб. 305	Многосложный свиток Соф. 1444, л. 5—5 об.	Комментарии о соотношении с греческим оригиналом по изданию Дюшена и о соотношениях между МС и ПнаУ
3. наставит тя чюд- не десница твоя	и наставит тя чюднѣ дес- ница твоя	Этого стиха нет в оригинале, он восстановлен в МП по Пс. 44 : 5
4. Престоль вои правдою и кротостию суд ¹⁰⁹ истинным свер- шен есть	Престоль твой прав- дою и кротостию, и <i>судом</i> <i>истинным</i> съвершень есть,	Дюшен. С. 232 Это начало стиха 7 псалма 44, но из- менено, расширенное.
5.	жезль правды. и жезль царства твоего.	(Пс. 44 : 7). Дюшен. С. 232 В ПнаУ это снято, видимо, поскольку царственность представлена как дан- ность.
6. и жезль силы по- слет ти Господь от Сио- на, и удољбеси посреди враг твоих.		Дюшен. С. 232 В ПнаУ эта цитата из другого псалма (Пс. 109 : 2), присутствующая в ориги- нале, оставлена, поскольку «победа» и «сила» удобно отнесены к будущему времени. Текст точно следует славян- скому тексту псалма.
7.	сего ради помаза тя Боже Богъ твой, елеом радости, паче причастник твоих	Пс. 44 : 8. В греческом оригинале как в славянском МС. Дюшен. С. 232. ПнаУ снимает тему помазания.
8.	яко малыи юный Давыд в дому отца своего паче ста- рейшиа брата твоеа.	Это краткое переложение 1 Цар. 16 : 1—13. Этой фразы нет в оригина- ле.
9.	Богомъ наречень еси царь, великий самодер- жець, и христианъ, иже скипетры римскаго царст- ва великаго, по закону приимъ Христомъ, Царя Царемъ, и Господа Госпо- демъ.	9—10 отдаленно напоминает текст оригинала о качествах властителя, в греческом ПП, находящийся между фрагментами 1 и 3 по нашей нумера- ции. Дюшен. С. 231. Внутри этого пас- сажа вместо «славою венчанному» как в № 21 и в оригинале, в славянском МС находится формула «скипетры римска- го црства», в оригинале не встречаю- щаяся.
10.	Царь еси предобръ, и разумень въ всем, и на су- противныа храбрь.	В оригинале приблизительно, исхо- дя из итальянского перевода Дюшена: «кротчайший, светлейший, добрейший император и владыка, которого Бог из- брал и короновал славою и встретил его благословениями благодати» (послед- нее — Пс. 20 : 4). ¹¹⁰
11. <Есть параллель- ный текст, но в другой части, см. № 23>	яко да покорени будутъ врази...	

¹⁰⁹ Видимо, тут выносная буква *д* подразумевает чтение «судомъ».¹¹⁰ Английский перевод с определением цитаты (The Letter... P. 12).

Таблица 2

Послание на Угру С2Л. Стб. 305	Многосложный свиток. Соф. 1444, л. 5 об.—6 об.	Послание патриархов, Дюшен
12. Тако глаголетъ Господь: «Азь въздвигох тя, царя правды, призвах тя правдою и приях тя за руку десную, и укрепих тя	Тако глаголетъ Господь, азь въздвигох тя, царя прав- ды, и призвах тя правдою, приях тя за руку, и укрьпих тя.	Точно такого текста нет в ори- гинале. ¹¹¹ Отчасти напоминает: Ис. 41 : 2; 45 : 1
13.	Тако Господь сътворивый небо и утвердивъ ё, и землю основа на тверди, и яже на ней, даа дыхание людем и жи- вотнымъ и всъм ходямы по ней, и в моръ даа путь, в водѣ твѣрдя без блазна, изводя ору- жье, и народ, и коня крьпки.	В оригинальном ПП есть пери- од о сотворении мира (Дюшен. С. 227), использующий Ис. 40 : 12; Прем. 14:3; Ис. 40 : 22. ¹¹² Славян- ская версия упрощает и переделыва- ет оригинал. Слова о морском пути должны были бы приблизи- тельно соответствовать Прем. 14:3: «яко даль еси и въ мори путь, и въ волнах стезю крьпчаишу». Ника- ких намеков на изведение народа в оригинале ПП нет. Слов об оружии и конях — нет.
14. да послушают те- бя языци	азь приим тя за руку десную, да послушают тебе языци.	14—15—16—17 нет в грече- ском ПП. Здесь в славянский МС включен библейский текст: Ис. 45 : 1—3.
15. и крепость царем разрушу, отворю ти две- ри, и гради не затворят- ся.	и крьпость царемъ разрушу, и отворю двери, и грады не за- творят ти ся.	
16. Азь пред тобою пойду, и горы поравнаю, и двери мѣденыя съкру- шу, и затворы желѣзныя сломлю.	Азь пред тобою пойду и горы поравняю, двери мѣдныя съкрушу и затворы желѣзныя сломлю.	
	и дам ти сокровища тайныя и невидимыя отверзу ти, азь есмь Господь, призываай имя твое	
18. Радум бо ся и весе- лимся, слышаше добле- сти твоя крьпость и твое	радуемся убо и веселимся, слышаше храборство твое и Богомъ данную побѣду	Этот фрагмент в греч. ПП Дю- шен. С. 232, но там он следует поч- ти непосредственно после фраг-

¹¹¹ Может быть, этот важный пассаж вдохновлен фрагментом о царстве Христовом: «...праведное солнце въздвиже рог спасенна нашего, царство твердо и честно, и крьпко, и всемошно, жезль силы...» (Соф. 1444, л. 4 об.; Дюшен. С. 231). На эту связь указывает и то, что в славянской версии далее сразу следует фрагмент № 19, который в оригинале идет за фрагментом о Солнце правды. В оригинале следуют подряд фрагменты соответствующие № 19, приблизительно 9—10, включающие 21, затем 22, 2, 4, 5, 6, следует особая фраза, затем № 18. На этом кончается часть Послания патриархов, использованная для Послания на Угру.

¹¹² Цитаты выявлены (The Letter... Р. 4).

Послание на Угру С2Л. Стб. 305	Многосложный свиток. Соф. 1444, л. 5 об.—6 об.	Послание патриархов, Дюшен
го сына Богомъ данную ему побѣду, и великое мужество и храбрость, и твоего брата, государей наших, показавших противу безбожных силъ агарянь...		мента № 7 по нашей нумерации. В ПнаУ добавлены подробности о победе на Угре, но в части, соотносящейся с ПП, здесь, кажется, греч. оригинал передан точнее, чем в славянском МС. «Доблести твоя и крепость» в ПнаУ передает пару: «le prodezze e geste gloriose»; «the acts of bravery and prowess», лучше чем единственное «храбрство» в МС.

Таблица 3

Послание на Угру С2Л. Стб. 305	Многосложный свиток Соф. 1444, л. 4 об.—5	Послание патриархов, Дюшен
19. Се твердое и честное, и крѣпкое царство да дать ти Господь Богъ в руцѣ твои, Богомъ утвержденый владыка	Сеи твердое и крѣпкое, и честное царство даль есть Богъ в руцѣ твои, богоутверженны владыко	Дюшен. С. 231 ПнаУ переводит текст из прошлого времени в оппактив.
20. и сыномъ сыновъ твоих в род и род в вѣкы		Нет в оригинале.
21.	славою венчавъ боговѣнчаную главу твою	Дюшен. С. 231.
22. Тѣм же убо и мы от чистыа вѣры молитвою к Богу день и ночь в молитвах и молбах литиами и соборы святительскими, и божественными возношени нашими потребною и лѣпною памятью о благочестивѣй вашей державѣ и царския ваша побѣды исповѣдаем во святых тайнах.	Тѣм же оубо и мы от чистыа вѣры молитвою къ Богу день и ночь въ молитвах и молбах литиами, съборы святительскими, и божественными възношени нашими потребною и лѣпотною память благочестивѣй вашей державѣ и царския <i>вашеа</i> побѣды исповѣдаем въ святыхъ таина(х).	Там же. Дюшен. С. 231—232.
23. яко да покорени будут врази ваши под ногами вашими, и да одолѣешь среди ратных, да разсыплются поганяна, хотящаа брани от Божия молониа омрачаеми, яко пси гладнии, языки своими лижутъ землю и аггелъ Господень буди поганяна их.	(см. № 11) яко да покорени будутъ врази под ногама твоима, и да одолѣиѣ поставиши, а ратных по(в ¹¹³)среди, и да раздрушаяся языци, хотящици бранем, <i>омрачени да будут</i> от Божиа молониа, яко пси гладнии <i>полизютъ землю</i> языки своими, и аггелъ Господень буди <i>помагаай</i> .	Этого фрагмента нет в оригинале, за исключением стиха «и да одолѣешь среди ратных» Пс. 109 : 2, который есть в ПнаУ и в ПП в другом контексте, в другой форме: см. 6. Во фрагменте соединены выражения из Пс. 109: 1—2; 71 : 11; 34 : 6.

Итак, начальная часть Послания патриархов не просто переводилась, но переделывалась, в нее вносились дополнения, усиливавшие военную тематику, которая в оригинале почти совершенно отсутствовала.¹¹⁴ При переводе бы-

¹¹³ Эта вносящая буква, кажется, вписана позже. На листе есть и другая поправка, внесенная явно позднее рукой неученого писца.

ли несколько сокращены рассуждения, касавшиеся роли церковных властей в управлении и в защите истины, — то, что было основным для оригинального текста.¹¹⁵ Образовавшийся текст, оставаясь формально частью древнего византийского произведения, предлагал актуализированную модель православной царской власти, тем более влиятельную, что сам памятник являлся чтением на праздник Торжества православия. Библейское красноречие оригинала, и так не малое, было усилено за счет включения тщательно подобранных цитат из псалмов о битве с погаными и грядущей жалкой судьбе врага (№ 23) и периода из книги Исайи о том, что Бог уничтожит все препятствия на пути властителя к победе (№ 14—17).

Начальная часть Многосложного свитка и последняя часть Послания на Угру оперируют теми же самыми (за небольшими исключениями) фрагментами греческого Послания патриархов как материалом для конструирования; и в том и в другом русском произведении последовательность фрагментов изменена относительно оригинала и изменена по-разному. В одном случае Многосложный свиток и Послание на Угру распределяют материал между собой: Многосложный свиток берет один фрагмент оригинала (№ 5), а Послание на Угру — следующий (№ 6). В одном случае, как кажется, Послание на Угру даже несколько точнее, чем Многосложное послание передает греческий текст (№ 18).

Многосложный свиток в начальной части обнаруживает явные признаки политической тенденции, причем той же самой, что и тенденция Послания на Угру. Многосложный свиток переделывает текст оригинала о морском пути, цитирующий Книгу Премудрости, вводя тему выхода из рабства — Бог открывает путь на море, изводя оружис, народ и коней (№ 13). В Послании на Угру большая часть, непосредственно предшествующая разбираемой, последней, посвящена описанию окончания татарского ига как освобождения из египетского плена, при условии покаяния великого князя. Тема прегрешений великого князя как-то чрезмерно развита и ему даже приводится в пример евангельский разбойник, покаявшийся на кресте. Через Моисея, указывает автор Послания на Угру, Господь избавил народ от работы на иноплеменников, но потом Он сделал так, что иноплеменники работали на них. Бог послал Иисуса Навина, который ввел их в землю обетованную: «*прием 20 и 9 царствъ и вселишася ту*».¹¹⁶ Как кажется, здесь содержится намек на уместность и необходимость сначала выйти из рабства, а потом и забрать под себя другие царства, т. е. то же, что рекомендовалось в другой части Послания на Угру (уже цитированной выше): «*Поревнуй прежде бывшим прародителем твоим великим князем. Не точию Рускую землю обороняху от поганных, но иныя страны *приимаху* под себе, сже глаголю Игоря и Святослава, и Владимира, иже на греческих царѣх дань имали*».¹¹⁷

¹¹⁴ В греческом оригинале тема военной победы дана лишь в одном незначительном намеке. Издатели «The Letter...» (Р. 12) пытаются расшифровать его.

¹¹⁵ Подробный анализ этих изменений приведен в нашей работе: *Плюханова М. Б. Проповедь на Торжество Православия и сочинение «Об обидах церкви»*: К вопросу об экклезиологических основах учения о Третьем Риме // *Русская агнография: Исследования. Материалы. Публикации*. Вып. 2 (в печати).

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 303

¹¹⁷ Там же. Стб. 299.

Итак, есть основания полагать, что первоначальная версия послания к русскому властителю, известного впоследствии как Послание на Угру Вассиана Рыла, разрабатывалась в процессе работы над переводом-переделкой Послания восточных патриархов византийскому императору Феофилу.¹¹⁸ Мастерская, где шла эта работа, могла находиться и в Москве, и в Кирилло-Белозерском монастыре, но и в случае размещения в Москве она имела прямой выход на Кирилло-Белозерский монастырь, поскольку, как мы знаем, русская традиция Послания патриархов сохранялась именно там достаточно длительное время. Полученное путем анализа текстов представление о локализации книжной работы с перемещением ее между Москвой и Кирилло-Белозерским монастырем соответствует в целом той гипотезе о размещении «палеологовских» сил, которая разрабатывалась в первой части нашей работы. Главное же, что этот круг книжников был причастен к переводам с греческого.

Впрочем, вся эта история с Посланием на Угру, его миссией, его ролью в борьбе утративших отечество итальянских греков за влияние во имя безнадежного дела спасения Византии и во имя более достижимого — победы в дворцовых интригах, нами здесь реконструированная, имеет гипотетический характер. Кто-нибудь возразит против такого сложного построения, предположив, что составителю Послания на Угру просто попался под руку список славянского Послания патриархов, и составитель этот был так поражен красотой и торжественностью вступительной части, что переписал оттуда большие куски, совершенно не считаясь с несоответствием титулов византийского императора титулам великого князя и образа царствия Христова — скромным масштабам Московского княжества и совершенно не думая о последствиях такого заимствования. (При этом отмеченные нами элементы Послания на Угру, свидетельствующие о контакте с греческим оригиналом Послания патриархов без посредничества славянского перевода, надо будет признать случайными совпадениями.) Этот вариант покажется более приемлемым для многих специалистов по древнерусской литературе и истории, поскольку господствующим остается представление о древнерусской книжной деятельности как полусознательной или даже бессознательной, с преобладанием эстетических инстинктов.¹¹⁹ Но мы предпочли здесь остановиться на усложненном построении, имея в виду прежде всего, что книжный центр, с которым связано славянское Послание патриархов, — Кирилло-Белозерский монастырь — был определенно чужд эстетической инстинктивности.

¹¹⁸ Нельзя совершенно исключить и того, что перевод-переделка был сделан раньше. В таком случае приходится предполагать, что цитата из псалма 109 (№ 6 по нашему счету фрагментов) сохранялась в протографе Многосложного послания, с которым имел дело автор Послания на Угру, но потом была исключена, так что ее нет ни в одном из трех известных списков. Но это весьма маловероятно, поскольку список из Ефросинова сборника — несомненная копия, совершенно лишенная признаков инициативы, — весьма близок хронологически к моменту, когда должна была происходить работа над посланием русскому властителю. Трудно также не обратить внимания на другие следы диалога между Посланием на Угру и переводом-переделкой Послания патриархов.

¹¹⁹ Так, А. И. Филюшкин считает общими местами (топосами) пассажи о божественной власти, с опорой на библейский текст, и о «царе правды», которые повторяются у Вассиана Рыла, у Феодосия и у митрополита Макария (*Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 68—89). Это как раз и есть рассмотренные нами фрагменты из славянского Послания патриархов.

Послание на Угру не было простым излиянием спонтанных патриотических чувств ростовского архиепископа, это был плод большой сложной работы, вовлекшей значительные интеллектуальные силы, в нем отразились не только национальные опыты, но и большие традиции христианского мира, оно отвечало важным историческим задачам восточного и западного христианства. Послание на Угру в единстве с Многосложным посланием создавали образ власти, несоизмеримо больший и значительнейший, чем это было в скромной политической реальности Московского княжества. И именно эти произведения одержали победу, определив принципы описания власти в XVI в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Данная таблица иллюстрирует соотношения между текстами Послания на Угру и славянского Послания патриархов; она не может быть особенно полезной для выяснения отношений между списками, во-первых, потому, что списков мало (3 для славянского Послания патриархов), во-вторых, ни один из представленных списков не восходит к другому, все списки периферийны, в-третьих, Послание на Угру цитируется по печатным изданиям, каждое из которых следует своим принципам воспроизведения текста. Здесь приводим тексты, унифицируя их согласно правилам ТОДРЛ.

Послание на Угру. Вологодско-Пермская летопись	Послание на Угру. С2Л	Послание на Угру. Муз. (ПЛДР)	Многосложный свиток. Соф. 1444	Многосложное послание. Кир.-Бел. 53/1131	Многосложное послание. «Книга Рай» Ферапонтова монастыря	Из псалма 44 по Псалтири РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 3
С. 272	Стб. 305	С. 534	Л. 5	Л. 358 об.	Л. 228	Л. 60 об.—61
Тѣм же и пророческии рече, Богомъ утверженный царю напрязи и спѣй, царствуи истинны ради, кротост, правды	Тѣм же и пророческии рещи Богомъ утверженный царю напрязи и спѣй, и царствуй истинны ради, и кротости и правды	Тѣм же и пророческии рещи, Богомъ утверженный царю напрязи и спѣй, и царствуй истинны ради, и кротости и правды	Тѣм же и пророческии рещи, богоутверженный владыко Напрязи спѣй и царствуй и истинны ради, кротости и правды	Тѣм же пророческии рещи, Богомъ утверженный владыко напрязи и спѣй, и царствуй истинны ради, кротости и правды	Тѣм же пророческии рещи, Богомъ утверженный владыко напрязи и спѣй, и царствуй, истинны ради и кротости, и правды	И напрязи и спѣй, и царствуй истинны ради и кротости, и правды
наставит тя дивно ¹ десница твоя	наставит тя чюдне десница твоя	и наставит тя чюдне десница твоя	и наставит тя чюднѣ десница твоя	и наставит тя чюдне десница твоя	и наставит тя чюднѣ десница твоя	и наставит тя дивно десница твоя

¹ Здесь особенное чтение «дивно» явно возникло в результате воздействия собственно псалма.

Послание на Угру. Вологодско-Пермская летопись	Послание на Угру. С2Л	Послание на Угру. Муз. (ПЛДР)	Многосложный свиток. Соф. 1444	Многосложное послание. Кир.-Бел. 53/1131	Многосложное послание. «Книга Рай» Ферапонтова монастыря	Из псалма 44 по Псалтири РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 3
С. 272	Стб. 305	С. 534	Л. 5	Л. 358 об.	Л. 228	Л. 60 об.—61
престоль твой правдою <i>твоєю</i> и кротостью, и судом истинным свершен есть <i>свершение</i>	престоль вои правдою и кротостию <i>суд</i> ² истинным свершен есть	престоль твой правдою и кротостью и судом истинным свершен есть	престоль твой правдою и кротостию и судом истинным съвершенъ есть	престоль твой <i>правою</i> и кротостию и судом истинным съвершенъ есть	престоль твой правдою и кротостию. и соудом истинным съвершенъ есть	прѣстоль твой бе в вѣкъ вѣка

Послание на Угру. Вологодско-Пермская летопись по Лонд. списку	Послание на Угру. С2Л	Послание на Угру. Муз. (ПЛДР)	Послание патриархов. Соф. 1444	Послание патриархов. Кир.-Бел.	Послание патриархов. Книга «Рай» Ферапонтова монастыря
С. 272	Стб. 305	С. 534	Л. 4 об.—5 об.	Л. 358—358 об.	Л. 227 об.—228 об.
Се твердое и честное, и крѣпкое царство <i>да дать</i> Господь Богъ в руцѣ твои, Богомъ утвержены владыко Тѣм же убо мы от чистыя вѣры молитвою к Богу день и ночь, в молитвах и молбах литиями и соборы святительскими, и божественными возношенми <i>вашими</i>	Се твердое и честное, и крѣпкое царство <i>да дать</i> ти Господь Богъ в руцѣ твои, Богомъ утвержены владыка Тѣм же убо мы от чистыя вѣры молитвою к Богу день и ночь в молитвах и молбах литиями и соборы святительскими, и божественными возношени <i>нашими</i>	Се твердое, и честное, и крѣпкое царство <i>дать</i> Господь Богъ в руцѣ твои, Богомъ утверждены <i>государю</i> Тѣм же <i>убо от</i> чистыя вѣры, молитвою к Богу день и ночь в молитвах и молбах литиями и соборы святительскими, и божественными возношенми <i>вашими</i>	Сеи твердое и крѣпкое и честное царство даль есть Богъ в руцѣ твои <i>богоутвержены</i> владыко Тѣм же оубо и мы от чистыя вѣры молитвою къ Богу день и ночь въ молитвах и молбах литиями, съборы святительскими, и божественными възношенми <i>нашими</i>	Сие твердое и крѣпкое и честно царство даль есть Богъ в руцѣ твои Богом утвержены владыко Тѣм же оубо и мы от чистыя вѣры. молитвою къ Богу день и ночь въ молитвах и въ молбах литиями, съборы святительскими, и божественными възношенми <i>нашим</i>	Сие твердое и крѣпкое и честное царство даль есть Богъ в руцѣ твои Богом утвержены владыко Тѣм же оубо и мы от чистыя вѣры, молитвою къ Богу день и ночь въ молитвах и въ молбах и литиями, и соборы святительскими, и божественными възношенми <i>нашими</i>

² Видимо, тут выносная буква *д* подразумевает чтение «судомъ».

Послание на Угру. Вологодско-Пермская летопись по Лонд. списку С. 272	Послание на Угру. С2Л Стб. 305	Послание на Угру. Муз. (ПЛДР) С. 534	Послание патриархов. Соф. 1444 Л. 4 об.—5 об.	Послание патриархов. Кир.-Бел. Л. 358—358 об.	Послание патриархов. Книга «Рай» Феррапонтова монастыря Л. 227 об.—228 об.
<p>потребную и лѣпую память о благочестивей вашей державѣ³</p> <p>и царския вашей победы исповѣдаем во святых тайнах,</p> <p>яко да покорени будут врази ваши под ногами вашими,</p> <p>и да одолѣете среди ратных</p> <p>да разсыплются поганья страны, хотящая брани, <i>от Божия моления омрачаеми</i>,⁵</p> <p>яко пси гладни языком своим⁶ да лижут землю, и аггель Господень буди поганяя и.</p>	<p>потребною и <i>лѣпною</i> памятью о благочестивѣи вашей державѣ</p> <p>и царския <i>ваша</i> победы исповѣдаем во с(вя)тых тайнах,</p> <p>яко да покорени будут врази ваши под ногами вашими,</p> <p>и да <i>одолѣеши</i> среди ратных</p> <p>да разсыплются <i>поганья, хотящая</i> брани, <i>от Божия</i> молония омрачаеми,</p> <p>яко пси гладнии, языки своими лижут землю и аггель Господень буди поганяя их.</p>	<p>потребную и лѣпую память о благочестивѣи вашей державѣ</p> <p>и царския вашей победы исповѣдаем во святых тайнах,</p> <p>яко да покорени будут врази ваши под ногами вашими,</p> <p>и да одолѣете среди ратных</p> <p>да разсыплются поганья страны, хотящая брани, от Божия молния омрачаеми,</p> <p>яко пси гладни языки своими землю да лижут и аггель Господень буди поганяя их.</p>	<p>потребною и <i>лѣпотною</i> памятью благочестивѣи вашей державѣ</p> <p>и царския вашей победы, исповѣдаем во святых тайнах,</p> <p>яко да покорени будут врази под ногами твоима,</p> <p>и да одолѣние поставиши а ратных по(в⁴)среди.</p> <p>и да раздрушатся языци, хотящии бранем, <i>омрачени да будут</i> от Божия моленія,</p> <p>яко пси гладни <i>полижют</i> землю языки своими, и аггель Господень буди <i>полагаа</i> и.</p>	<p>потребную и лѣпотною памятью благочестивѣи вашей державѣ</p> <p>и царския вашей победы исповѣдаем во святых тайнах,</p> <p>яко да покорени будут врази под ногами твоима,</p> <p>и одолѣние поставиши посреди ратных</p> <p>и да раздрушатся языци, <i>хотящаа</i> бранем, и да будут <i>обращени</i> (так! — <i>М. П.</i>) от Божия мльניה,</p> <p>и ако пси гладни землю полижут языки своими, и аггель Господень боуди поганяя их.</p>	<p>потребною и лѣпотною памятью благочестивѣи вашей державѣ</p> <p>и царския вашей победы исповѣдаем во святых тайнах,</p> <p>яко да покорени будут врази под ногами твоима,</p> <p>и одолѣние поставиши посреде ратных</p> <p>и да раздрушатся языци, <i>хотящаа</i> бранем, и да будут <i>омрачени</i> от Божия мольния,</p> <p>и яко пси гладни землю полижут языки своими, и аггель Господень боуди поганяя их.</p>

³ В Лондонском списке здесь: вѣре — уникальное чтение, что и заставило нас отказаться от использования этого списка при рассмотрении Послания на Угру в Вологодско-Пермской летописи.

⁴ Эта выносная буква, кажется, вписана позже. На листе есть и другая поправка, внесенная явно позднее рукой неученого писца.

⁵ В списке А: «обрачаеми», что позволяет интерпретировать чтение Кирилло-Белозерского списка МП: обрачени о(т) Божии мльнѣа — как неслучайное, не единичное. Список А — Академический Вологодско-Пермской летописи — назван Шахматовым «Велико-Пермским» (ПСРЛ. Т. 26. С. 7).

⁶ В Лондонском списке: языки своимн — лучшее чтение.